

MARVEL

ДЕДПУЛ

ЛАПЫ
СТЕФАН ПЕТРУЧО

Вселенная MARVEL

Стефан Петручо

Дэдпул. Лапы

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Петручо С.

Дэдпул. Лапы / С. Петручо — «Издательство АСТ»,
2015 — (Вселенная MARVEL)

ISBN 978-5-17-116309-9

Дэдпул или, как его ещё называют, Болтливый Наёмник обладает способностью к регенерации, отменным чувством юмора и лёгкой формой шизофрении. Он получает задание от Агентов Щ.И.Т., организации по борьбе с преступностью: найти и обезвредить щенков-монстров, которые исчезли из секретной лаборатории «Оружие Икс». Милые щенята в одно мгновение превращаются в огромных чудовищ, справиться с которыми даже Дэдпулу будет не так просто.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116309-9

© Петручо С., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Книга 1	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Стефан Петручо

Дэдпул. Лапы

*Этот текст я посвящаю Дэдпулу в каждом из нас.
А не то он рассердится.*

DEADPOOL PAWS

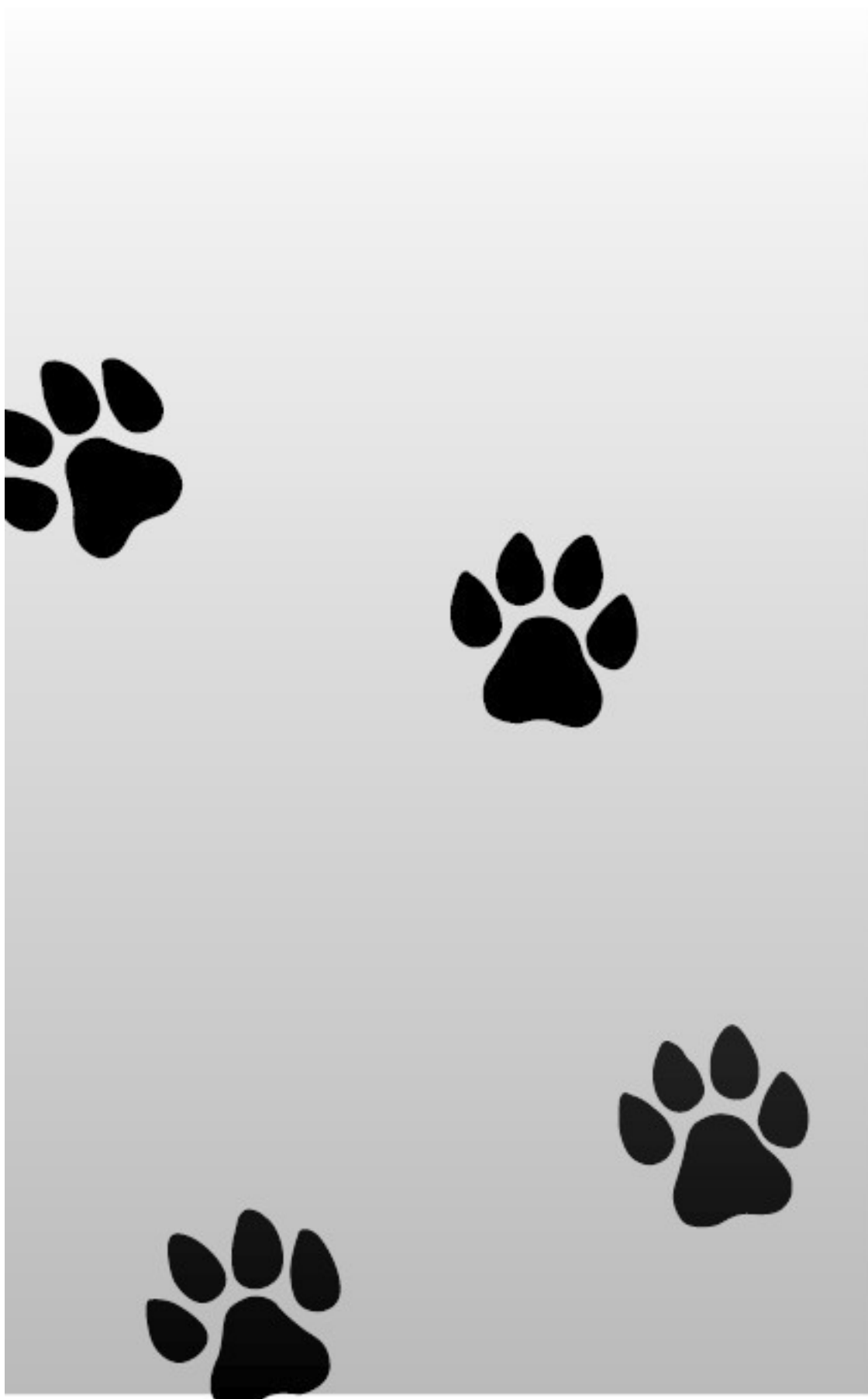

AN ORIGINAL NOVEL OF THE MARVEL UNIVERSE
STEFAN PETRUCHA

Originally published in the English language by Marvel Worldwide, Inc., under the title
Deadpool: Paws by Stefan Petrucha

Печатается с разрешения компании *Marvel Characters B.V.*

© 2015 Marvel

Книга 1

Пропала собака по кличке Дружок

Глава 1

ИТАК, вот я падаю с высокого здания, и... стоп.

ГДЕ, #\$*%@, КАРТИНКИ?!

И как мне теперь быть? Что это вообще такое – длинная подпись? Да вы с ума посходили! Комиксы должны быть яркими, кричащими, как телевизор или... как телевизор! Ну же, не тормозите. Лучше один раз увидеть, чем сто раз не расслышать. Ну, например, если я скажу «красный», это ведь не то же самое, что *увидеть* что-нибудь красное. Не подумайте чего, я, конечно же, большой любитель почесать языком – не зря меня называют Болтливым наёмником, – но хорошенького понемножку. Как писал Уильям Берроуз, язык – это инопланетный вирус.

Да, да, конечно, он сидел на морфии, и голым завтраком сыт не будешь, но тем не менее.

Я знаю, некоторые из вас, умников, уже заготовили каверзные вопросы: мол, даже если картинки настолько круты, как же предыстория? Экспозиция? Куда впихнуть всю эту дребедень? Ладно, может, пара коротких фраз и правда не помешает, но любой автор, который не зря просиживает штаны на стуле, вставит всё это в диалоги вот так:

И никаких вам «Смеркалось» или «Тем временем на ранчо». Если на всю страницу нарисовано банковское хранилище, вы же поймёте, что дело происходит не в супермаркете, верно?

Ну и зачем тогда всё это словоблудие?

О, погодите. Я понял. Книга. Это книга! Они что, правда всё ещё выпускают эти штуки? Чёрт!

Ладно, так и быть. Я просто слегка озадачен. Но, как я уже говорил, я тот ещё балабол.

Да уж, это точно.

О, кстати, познакомьтесь с моим внутренним голосом. Если бы это был комикс, вы бы увидели эту реплику в специальном жёлтом прямоугольнике. Но сейчас, видимо, придётся довольствоваться жирным шрифтом.

Мне норм.

Ну что, понеслись?

И курсив для внутреннего голоса номер два. Отлично. А теперь заткнитесь и дайте мне уже начать историю.

Стекло и сталь Манхэттенского небоскрёба сливаются в одну сверкающую ленту, пока я лечу вверх тормашками вдоль его пижонского фасада. Летать я не умею, даже паутины у меня нет, как у Человека-паука, и поэтому я падаю, как кирпич. На лету я трепыхаюсь, словно рыба, вытащенная из воды. Точнее, словно рыба, вытащенная из воды и выброшенная в окно. Я пытаюсь разглядеть во всём этом мельтешении что-то, за что можно уцепиться, чтобы хотя бы замедлить падение, но фшушки. Ни балконов, ни карнизов, ни горгулий – только стремительный полёт, второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра.

Может показаться, что дела плохи, но на самом деле я падал тысячу раз. Я падал из окон; я падал в шахты, бандитские логова, инопланетные звездолёты, кондитерские цеха, женские спальни – всего не перечислить. Я падал духом, выпадал в осадок, западал на девчонок – но никогда ещё мне не удавалось упасть и разбиться насмерть. Порой умирают те, кому я сваливаюсь как снег на голову, – однако для этого нужна определённая меткость.

Правда, есть нюанс: я не один. У меня в руках самый милый щенок далматинца на свете. Я умыкнул его из чьего-то расфуфыренного пентхауса много, много этажей назад. Дела пошли слегка не по плану, и, кажется, сейчас этому малышу надо по-маленькому.

Ну ты даёшь!

Да ты просто молодец.

Его зовут Кип, судя по золотой блямбе на усыпанном бриллиантами ошейнике. Но, если и дальше так пойдёт, скоро мы врежемся в землю, и будет уместнее называть его Кляксой. При других обстоятельствах – например, если бы он слопал отряд бойскаутов и собирался вернуться за добавкой, – меня бы это не тревожило. Не то чтобы я не любил убивать, но Кип не натворил ничего такого, чтобы заслужить безвременную кончину.

Получается, тебе нравится этот малыш?

Ни в коем случае! Он милый, но мимими – для слабаков. Я чёрствый тип, который предпочитает держаться подальше от всего белого и пушистого. Не привязывается к людям и собакам. Но... он такой симпатяга, когда у него выпучены глаза и веки трепещут на ветру, как сейчас!

Гхм. Так вот, я думаю о том, как бы его спасти – чисто из принципа, ясно вам? На той неделе я видел в интернете видео про щенка, который упал с девятнадцатого этажа и выжил.

Уверен, что ты это не придумал?

Может, и придумал, но звучало хорошо, особенно про равновесную скорость – когда сила сопротивления воздуха компенсирует силу гравитации и бла-бла-бла. Маленький зверёк вроде Кипа набирает равновесную скорость куда быстрее, чем здоровяк типа меня.

А значит... если я за него держусь, я тоже буду мягче падать, верно?

Неверно.

Но я всё ускоряюсь и ускоряюсь. Ладно, на этот раз соглашусь с тобой, так и быть. Кип вынужден лететь с моей скоростью. С этим я не могу смириться, так что я смотрю ему прямо в тёмные, вытаращенные, испуганные глаза.

– Время пуститься в свободный полёт, парень! – Я подбрасываю его вверх. – Лети, Кип! Лети!

Теперь, когда он сам по себе, с ним наверняка всё будет хорошо – как с тем щенком из интернета. Или это был кот? Кажется, я припоминаю кота. И он играл на пианино. Кот, собака, попугайчик... какая, в сущности, разница?

Я продолжаю подчиняться законам физики. Облака сгущаются вокруг меня, как взбитые сливки в блендере... взбитые сливки... ням-ням... Я бы перекусил чего-нибудь, когда приземлюсь, но городские ароматы, которые сюда доносятся, отбивают всякий аппетит. Земля,

видимо, уже совсем близко. Наверное, стоит посмотреть вниз – прикинуть расстояние до асфальта, попытаться замедлить падение, ударяясь о стены, и всякое такое.

Эй, асфальт, ты где?

А-а-а, вот и ты!

ШЛЁП!

Я говорил о регенерации, да? Знаете, как у Росомахи, этого мрачного типа из Людей Икс, сами заживают все раны? У меня что-то вроде этого, только круче. Если только меня не растворят в кислоте или не расщепят на атомы, я после любой передрыги буду как новенький. Да, конечно, большая часть супергеройской шайки так часто воскресает из мёртвых, что впору запустить автобусный маршрут с того света, но у них хотя бы есть возможность сыграть в ящик. Каждый раз, когда кто-то из этих ребят оживает, нужны всяческие логические выверты, чтобы это оправдать, – а то и целый перезапуск.

Ну а я фактически бессмертен. Неважно, как сильно меня потреплет, – рано или поздно всё вернётся на свои места, и рак тоже. Я говорил, что у меня рак? Это из-за него я решил участвовать в эксперименте «Оружие Икс». Эксперимент, кстати, проводило канадское правительство. Думал, что меня вылечат. Вместо этого мои клетки, в том числе и раковые, получили способность к регенерации, и я ушёл с израненным телом и головой, полной несбывшихся надежд.

Или они называли это иллюзиями?..

Так или иначе, отрубленная рука отрастает у меня за несколько часов. Расплющенный череп? День-другой, и я в порядке. Конечно, мозг – *чувствительная* штука, и временами, когда я прихожу в себя, у меня в голове больше тумана, чем обычно, я говорю по-французски или считаю себя солистом Большого театра, – но важен лишь сухой остаток. Чтобы там ни говорил старина Франклин про неизбежность смерти и налогов, я не могу умереть и не плачу налоги.

Звучит неплохо, да? Конечно, ведь это не ваши кости ломаются, не ваши кишки выворачиваются наружу, как содержимое помойки возле итальянского ресторана. Беда в том, что я чувствую все свои раны. Я могу долго разглагольствовать про жгучую, пульсирующую боль, которая в этот самый момент пронзает каждую клеточку моего тела, но лучше оставлю это для своей следующей книги – «Думаете, вы знаете, что такое боль?». Сейчас я ограничусь цитатой из Рональда Рейгана, который вскоре после того, как схлопотал пулю, заметил: «Ой-ой-ой!»

Что ни говори, альтернатива всё равно хуже – я о смерти, ясное дело. Взять хотя бы тех двух парней, на которых я приземлился. Вы с ними даже не успели познакомиться, а их уже нет. Большинство думает, что я бессердечный (а ещё грубый, вонючий и так далее), но мне жалко продавца хотдогов, правда. Биржевого брокера меньше, хотя его часы от Patels Philippe меня действительно впечатлили. Я на них упал, а они всё ещё работают. Эгей, они же ему больше не нужны, а у меня как раз осталось достаточно пальцев, чтобы...

БАМ!

Кип приземляется прямо в центр моей переломанной грудной клетки – с таким звуком, будто на меня свалилась мокрая подушка-пердушка.

Всем своим видом он словно вопрошает: «Что это было?» Но сам он целёхонький. Щенок взвизгивает и улепётывает. Хорошо ему. Не то что мне.

Если бы я не схватил эту собачонку, меня бы здесь не было. Теперь мне надо перетерпеть страдания и дать телу восстановиться, а потом придумать, как найти щенка на улицах Манхэттена.

Щенок на улицах Манхэттена? Это ведь песня такая была?

Нет. Ты, наверное, путаешь с фильмом «Марионетки завоёвывают Манхэттен».

Кстати, вся эта сцена – идеальный пример того, почему комиксы лучше книг. С картинками всё было бы куда проще. Две вертикальные панели, несколько линий движения, может

быть, кадр с продавцом хот-догов и брокером, которые удивляются, почему их вдруг накрыло тенью, – и готово. Полстраницы, не более. А звук удара был бы куда более смачным.

Что, интересно, будут делать все эти безмозглые книжники в нашем постлитературном мире? Муа-ха-ха!

А тем временем...

Да, да. Не подгоняй меня.

Прежде чем я успеваю вскричать «Шарик, к ноге!», я вижу, что меня удостоили визитом сверху. Не с небес, конечно, – из пентхауса. Ох ты божечки! Вновь прибывший приземляется напротив меня – никакого оглушительного шума и треска, только тихое, мерное жужжание двигателей в механической броне. Ого, да это не кто иной, как тот чокнутый охранник, который вышвырнул меня из пентхауса! Ему не приходило в голову, что по пути я успею прихватить Кипа. Стоило видеть его физиономию!

Не знаю, действительно ли передо мной здоровый громила или всё дело в броне, но приземление у него вышло эффектное. Из ботинок со свистом вырывается последняя струя воздуха, и ещё дымящиеся хот-доги катятся в разные стороны. Но металлический лязг, который этот костюм издаёт при движении, всё портит. Фирменный знак «Старк Индастрис». Такую броню на Amazon не закажешь – видимо, парень щеголяет китайской подделкой, которую его босс купил на eBay. Чёртов интернет! Неужели больше никто не ходит со старыми добрыми автомобилями?

Железный Джо подлизгивает чуть ближе. Из предплечья у него выдвигается ракетная установка. Даже не спрашивайте, в чём секрет этого фокуса. Если только костюм сделан не из Вибрации, который поглощает вибрации, отдача от этой штуки оторвёт ему руку и зашвырнёт далеко-далеко.

Но он не торопится стрелять. Забрало его шлема с щелчком поднимается, открывая потрёпанное жизнью лицо и сломанный нос. В его стальных глазах я вижу, что парень не промах, стреляный воробей, нет, дважды стреляный. Это не какой-нибудь позёр, мечтающий самоутвердиться. Может, он даже побывал в парочке боёв и заработал на клетушку в пентхаусе. Я почти проникаюсь к нему уважением.

Пока он не открывает рот.

– Не знаю, как ты умудрился выжить, но мне плевать. Верни собаку, или я устрою тебе децимацию!

Я хохочу:

– Ты что, хочешь уничтожить одну десятую часть меня?

Он дёргает головой – мол, что этот тип себе позволяет?

– Что ты несёшь?

– Децимация – это значит, железная ты башка, казнь каждого десятого. Не веришь? У этого костюма наверняка есть доступ к интернету, погугли. Я подожду.

– Чёртов граммар-наци, – он поднимает руку, на которой, насколько я могу судить, крепится гладкоствольная 37-миллиметровая пушка. – Я хочу сказать, что разорву тебя на куски, ясно?

– Хорошо, только тут дело не в грамматике, здесь скорее вопрос семантики, как...

Он тыкает в меня стволом – учитывая моё текущее состояние, это весьма болезненно.

– Где собака?

Тут он замечает, что я лежу на окровавленной куче – слишком большой, чтобы всё это сошло за мои останки, – и лицо его омрачается.

– Ты ведь не... приземлился на него?

До этого момента я и не задумывался, как воспринимает мир моя селезёнка, – он поднял меня на стволе, словно на лопате, чтобы заглянуть под низ.

– Ай! Холодно! Очень холодно! Его там нет! Он убежал! Убежал!

Облегчённо вздохнув, охранник лязгает башкой и нажимает кнопку на предплечье.

Из недр костюма доносится страстный голос искусственной дамочки, с которой я был бы не прочь замутить. Она объявляет:

– Собачий свисток активирован.

Те мышцы у меня на шее, которые отвечают за поворот головы, размазаны по земле, так что я не могу посмотреть назад, но я слышу где-то за спиной стук собачьих когтей по асфальту.

Железяка самодовольно улыбается, словно он с самого начала был уверен, что всё кончится хорошо.

– Кип, маленький паршивец! Вот ты где! Иди-ка сюда, блохастый!

Его слова грубы, но в голосе слышится нежность. Похоже, он и вправду равнодушен к этой лохматой псинке. Меня пронзает внезапная боль. Может быть, это снова селезёнка, – но скорее дело в том, что мозг подкидывает мне идиллические картинки из жизни мальчика с собакой. Мальчик – это я, и я учу щенка приносить палку, подавать лапу и всё такое. Нашёл время!

Охранник вряд ли захочет всё это выслушивать, но кое-что я должен ему сказать.

– Эй, парень!

– Заткнись. – Стук когтей становится отчётливей. – Сюда, мой мальчик!

– Как тебя зовут, приятель? Посмотри на меня, я уже одной ногой в могиле. Ты можешь спокойно назвать своё имя.

Он закатывает глаза, но воссоединение с пёсиком слишком его растрогало, и он сдаётся.

– Берднардо.

Позади я слышу быстрое щенячье дыхание и звук, с которым свисающий из щенячьего рта щенячий язык хлопает по щенячьей морде.

– Бернардо, амиго, пор фавор, послушай меня. Я знаю, что Кип просто прелесть, знаю, что охранять его – твоя работа, но поверь мне: ты не хочешь брать на руки эту собаку.

Вдаться в детали я не успеваю – надо мной пролетают собачья мошонка и собачий зад, и Кип бросается прямо в металлические объятия Бернардо.

– Вот ты где, мешок с костями!

– Слушай, он правда похож на щенка, но поверь, он...

Щенок облизывает охраннику лицо. Бернардо смеётся – наверное, ему пришло в голову какое-то счастливое детское воспоминание о том, чего на самом деле не было.

– Ну всё, всё, успокойся, – далматинец облизывает его всё интенсивнее. – Слышишь? Хватит! Кип!

– Брось его, Берни. Поверь мне.

– Я тебя сейчас знаешь куда брошу?

Язык движется всё быстрее. Такое чувство, будто кто-то скребёт наждаком по железу. Берни – тот ещё здоровяк, лёгкая боль ему нипочем, но по глазам видно, что он немного озадачен. И вместо того, чтобы разобраться в происходящем, он решает сорваться на мне.

– А ты кто такой, чёрт тебя дерит? Кем надо быть, чтобы взломать систему безопасности за миллион баксов, только чтобы стащить...

И тут маленький язычок слизывает кожу с щеки Бернардо, обнажая жилы и мясо. Бернардо удивлённо кричит (и его можно понять!). Он инстинктивно пытается коснуться раны, но не может, потому что на руках у него сидит Кип. Малыш Кип, который жуёт окровавленный ошмёток щеки, как будто это резиновая игрушка.

К удивлению добавляется боль, и у Бернардо срывает резьбу. Забыв всё, что говорил раньше, он хватается Кипа, как футбольный мяч, и подкидывает его, пытаясь зашвырнуть так далеко, насколько хватит силы костюма. Но пушистый комок врежется в тротуар неподалёку от нас. Кип катится, катится – чёрный – белый, чёрный – белый, словно в той загадке про

газету¹, – ещё полквартила. И по пути он увеличивается – растёт и растёт, как снежный ком, пока не останавливается под собственным весом.

Потом его тело... как бы описать? Ну, оно раскрывается, как цветок, распускающий лепестки, или птица, расправляющая крылья, но скорее как огромный монстр-мутант, который растёт, меняет форму и цвет и за несколько секунд достигает высоты... Ох, не знаю. Рулетки у меня с собой нет, так что пусть будет, скажем, десять метров.

Да, десять метров. Плюс-минус.

И потом уже-совсем-не-щенок подаёт голос. Его голос гремит, как... что-то гремящее. Кажется, есть слово «погремушка», но голос звучит намного, намного громче. Как гром, вот! Как оглушительные раскаты грома.

– Я Гум! Пришелец с планеты Икс!

Бернардо, лишившийся щеки, выпучивает глаза. Я разочарован. Я думал, передо мной бывалый парень, но стоило ему потерять кусок мяса, и вот он уже ведёт себя словно офисная крыса, которая никогда прежде не видела гигантского монстра. Он лёгкая добыча – всё таращится и таращится, ему невдомёк, что пора делать ноги.

А я? Может, моё тело и сломлено, но дух надёжно *укрыт* в бордовой лужице, которую я сейчас собой представляю. И я кричу:

– Эй, Бернардо! Берни, дружище!

– Что? Что?!

– Я же говорил.

¹ Что одновременно чёрное, белое и красное? Английская загадка. – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. ред.*

Глава 2

ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ мой исцеляющий фактор делал своё дело – затягивал раны, восстанавливал затерявшиеся кусочки внутренних органов, наращивал недостающие головы трёхглавой мышце. Ходить я пока не в силах, но старые добрые грудинно-ключично-сосцевидные мышцы в моей шее пришли в норму (да, я знаю, как они называются, а вам слабо?), и я могу запрокинуть голову и увидеть того, кто называет себя Гумом, – пусть и вверх ногами.

О-го-го, вот это громадина!

Нет, правда. Он высотой в пять этажей, не меньше. Кожа у него пёстрая и толстая, словно каменная. Тело борца-сумоиста увенчано крупной головой – ярко-рыжей, словно тыква, с прелестными зелёными глазками. Милый щеночек, известный как Кип, бесследно исчез. Вместо него...

– Гум живой!

Когда он разевает пасть, чтобы констатировать очевидный факт, я со своей наблюдательной позиции замечаю, что у него нет верхних зубов. Этот монстр был бы мечтой стоматолога – если бы не два нижних коренных зуба, способных проломить целый автобус. Я уже готов оценить этого громилу на восемь баллов из десяти по шкале чудовищности, как вдруг замечаю пару жалких крылышек, которые трепыхаются у него под мышками. Такое чувство, будто он купил в секунд-хенде плащ Дракулы и покрасил его в рыжий, под цвет шкуры.

Стоит ли мне высказаться по поводу этих безвкусных крылышек? Никогда не понимал, как вести себя в таких *случаях*.

В мозгу моего приятеля-охранника с окровавленной щекой наконец выстраиваются все необходимые нейронные связи. Видишь щенка? Щенка нет. А монстр есть. Сматывайся, пока не поздно! Берни находится вне моего поля зрения, но я слышу лязг – и прихожу к выводу, что он наконец решил сделать свои железные ноги.

Ну а я? Меня вдруг накрывает тенью, словно на меня рушится дом (и да, я отлично знаю, как это бывает). Но никакого дома нет – это просто лапа милашки Гума, который склонился надо мной. Я поворачиваю свою свежесросшуюся шею и вижу, как тот хватается Бернардо огромной четырёхпалой лапищей, словно у Кинг-Конга.

Бернардо тоже отыгрывает свою роль и вопит: «А-а-а-а!» – в точности как актриса Фэй Рэй из того же фильма.

– Гум голодный!

Трудно не проникнуться симпатией к монстру, который сообщает о своих планах. Не то чтобы я не догадался о его гастрономических интенциях, глядя на то, как он причмокивает губами и несёт Берни к самому рту. Гуму понравилась эта сладенькая щёчка, он хочет ещё.

Берни – славный парень, возможно даже, вполне аппетитный, и я хочу ему помочь. Двигаться я не в состоянии, но могу предложить ему кое-что более ценное: информацию.

– Бернардо! Эй, Бернардо!

– Что? – кричит он, извиваясь и пытаясь вырваться из хватки.

Я машу отросшими пальцами:

– Приветик.

Всё ещё корчась, он глядит на меня:

– Ты что, псих?

– Бернардо! Бернардо!

– Что?!

– Так и есть.

Четырёхпалая лапа сжимается сильнее. Монстр подносит Бернардо ближе ко рту.

– Гум тебя проглотит!

Я стараюсь говорить громким шёпотом, как в театре, но мне это не слишком хорошо даётся.

– Думаю, это значит, что он хочет тебя съесть.

– Ради всего святого... дай мне умереть спокойно!

Я хочу заметить, что тому, кого хотят разгрызть на куски, вряд ли светит спокойная смерть, – но, чтобы разгрызть Берни, Гуму понадобились бы резцы и клыки. Скорее всего, моего приятеля просто расплющат и перемелют.

– Конечно, как скажешь, но... Бернардо?

– Ну что? Что?

Мои мышцы лица возвращаются на законное место, и я улыбаюсь.

– Это у тебя пушка на предплечье или ты просто рад меня видеть?

Сначала он злится, но потом на него снисходит озарение.

– О! Точно!

Бернардо с щенячьим проворством выпаливает из своей гладкоствольной 37-миллиметровой пушки. И что бы вы думали? Оказывается, мой приятель действительно напялил поддельный костюм Железного человека без выбрани-ума, а законы физики, как назло, подействовали. Снаряд отлетает в одну сторону, а железная рука – в другую. Часть отдачи поглотил костюм. Настоящая рука, правда, осталась на месте, но Бернардо ещё не скоро сможет давать автографы.

– Агрх!

Я люблю этот звук. Отличный же звук, правда?

Снаряд оставляет за собой след – такой белый и пушистый, словно он явился прямиком со страниц детской книжки с картинками.

Или из химической лаборатории.

Когда снаряд врежется в мясистый торс чудовища, Гум делает «БУМ!». Куски монстра разлетаются по всей улице. Рука, сжимающая Бернардо, взмывает, как крылатые качели. Бернардо успевает высвободиться, прежде чем четыре костяшки стучаются об асфальт.

Гум повержен и валяется в отключке, но разве мне кто-то скажет спасибо? Ха! Берни просто делает в воздухе безумный пируэт, хватается за руку и вопит, что она сломана. Нет бы спросить, как у меня дела! Вместо этого я только и слышу: «Ай-ай-ай!»

Моя рука, к слову, уже почти в порядке.

Наконец Бернардо прекращает причитать, но на меня ему, по всей видимости, всё равно наплевать.

– Твою мать! Как я всё это объясню? Сын моего босса любил этого щенка.

Убедившись, что верхняя часть моего туловища уже в состоянии извиваться и корчиться, я опираюсь на локоть и приподнимаю бровь. Впрочем, Бернардо этого не видит, поскольку я в маске.

Вы же в курсе, да? Мне, правда, надо упоминать, что я ношу маску? И чёрно-красный костюм? У этой штуки хотя бы обложка есть?

– Сын, ну конечно. Сын. Как будто в этом всё дело. Почему бы тебе, здоровяк, просто не признать, что ты тоже любил эту лохматую псинку – по крайней мере, пока она не попыталась тебя сожрать? Но если она стала такой большой, значит, её надо любить ещё больше! Любимой собаки должно быть много! Признайся, в глубине души тебе стыдно, что ты обидел своего Бобика.

Берни меланхолично парит в трёх метрах над землёй. Он молчит – может, не знает, что сказать, а может, решил, что мы достаточно сблизились, чтобы понимать друг друга без слов. Но прежде чем он в очередной раз успевает спросить, не псих ли я, он понимает, что я был прав – сразу в нескольких вещах.

Любимой собаки – вернее, Гума – действительно много. Очень, очень много.

От Гума должна была остаться куча бурлящей слизи в лавкрафтовском духе. Но с этой кучей явно что-то происходит. С противным сосущим звуком склизкая субстанция собирается воедино, тело вновь принимает форму, и всё не столь хорошо забытое старое становится новым.

– Гум живой!

Вот ведь сукин сын. У него тоже есть исцеляющий фактор – только он работает намного, намного быстрее. Я шокирован. Я разъярён. Но прежде всего я смущён. Я смотрю на своё жалкое тело, которое всё ещё корчится в потугах запустить несколько внутренних органов, и цокаю языком.

– Ну почему ты не можешь исцеляться так же быстро, как Гум, а?

Однако Бернардо снова в беде, потому что, ну, понимаете...

– Гум голодный!

В панике, лязгая железом, Берни поворачивается ко мне – что ни говори, этот парень славится скоростью реакции.

– Что мне теперь делать? – вопрошает он.

Я пожимаю плечами, думая: «Хе-хей, я снова могу пожимать плечами!»

Но потом я говорю:

– Откуда я знаю, @&*^#? Поройся в каталоге своих приложений, найди что-нибудь, что стреляет, и целйся этой твари прямо в глотвал.

– Во что?

Даже если опустить определение слова «глотвал», проверить это не так-то просто. Правая рука Бернардо в неисправном состоянии, а он явно не амбидекстр². Его левая рука болтается туда-сюда – беспомощная, как та дамочка на кассе самообслуживания сегодня утром, которая никак не могла понять, куда запихнуть свои деньги.

В монетоприёмник, дура! В монетоприёмник!

Стоило её взорвать.

Вместо кассы.

Так или иначе, я предлагаю очередное смелое, но мудрое решение:

– Эти хилые крылышки вряд ли могут поднять его в воздух. Просто отлети подальше!

Бернардо кивает и запускает двигатели. Костюм вибрирует, словно где-то в нём застрял ошмёток Гума. Берни не удаётся быстро смыться, но он поднимается всё выше, и Гум уже не достаёт его своей лапой – четыре пальца хватают воздух.

– Лети, братишка! Улетай!

Берни чувствует облегчение. Я вижу это по его самодовольной улыбке. Я тоже выдыхаю – но лишь на секунду: по всей видимости, эти крылышки всё-таки нужны не только для брачных игр. Гум умеет летать. И довольно быстро. Одним рывком он покрывает расстояние до Бернардо и хватает того за ноги. Вместо того чтобы повторить свою предыдущую ошибку и сообщить нам, что он жив и голоден, Гум просто запихивает Бернардо в пасть.

Прямо в воздухе.

Смотрится всё это как в фильмах про животных, когда чайка думает, что она улизнула от акулы, но та выпрыгивает из воды и...

Я собираюсь дать Берни ещё какой-нибудь мудрый совет, но тут слышу противный скрежет. Настоящая, качественная броня лопнула бы с громким треском. Эта не издаёт ни звука.

Чего я, увы, не могу сказать о Бернардо.

– Ай-яй! А-а-а!

Ещё пара лязгающих звуков... и с Бернардо всё кончено.

² Человек, одинаково хорошо владеющий правой и левой рукой.

Кстати, если бы это был комикс, его последний крик появился бы в так называемой вспышке.

Хорошо хоть монстр не выдал комментарий: «Гум жуёт!»

Круговорот жизни. Так это называется, да? Ещё одна причина, почему я взял за правило не привязываться к животным, второстепенным персонажам и вообще к кому *угодно*. Никогда не знаешь, в какой момент они умрут. В конце концов, я ведь едва знал этого Бернардо, но вот я лежу тут и пускаю соплю...

Ого! Да вы только посмотрите! Patels Philippe! Отличные наручные часы – и валяются без дела!

Едва я успеваю протянуть руку за этими проклятыми часами, как мою небольшую авантюру прерывает крик, полный ужаса и отчаяния. Кажется, будто вопит целая орава перепуганных ребятишек – и таки да, на той стороне улицы и впрямь висится кирпичное школьное здание, полное детей. Мелюзга собралась у окон и жалобно голосит, глядя на приближающегося Гума.

Никаких «Гум глотает» и «Гум вытирает губы». Только «Гум голодный».

Похоже, на Планете Икс с литературой дела плохи.

Дети вопят. Бравые учителя оттаскивают их от окон. Один задерживает шторы, как будто это что-то изменит.

Знаете что? Может, он и был милым щеночком, но сейчас он ведёт себя как свинья. Я рывком поднимаюсь, стряхиваю с себя всё ещё дымящиеся ошметки хот-догов и выхватываю из-за спины две катаны.

К несчастью, я не заметил, что в процессе регенерации одна из них вросла мне прямо в лопатку. Ай. Эффектно обнажить мечи не получилось. К тому же выдёргивать её оказалось довольно неприятно. Уж прости, боль, сейчас не до тебя. Заведя руки за спину, в любой момент готовый ударить, я мчусь к ближайшей рыжей лодыжке.

Гум поднимает лапу и выгибает спину, словно готовый разметать стену одним ударом. Если бы я был выше ростом, я бы мог вонзить ему меч под коленку. Вместо этого я со всей силы бью по его лодыжке, стараясь отсечь достаточно плоти, чтобы монстр опрокинулся на землю.

Он падает с ужасающим грохотом. Земля дрожит. Асфальт трескается. Машины по обе стороны дороги резко тормозят. Два такси, фургон и спортивная тачка с треском въезжают друг в друга. Пожарный гидрант выстреливает десятиметровой струёй воды. Другими словами...

Видите? Вот это называется вспышка.

Гум лежит на спине, явно растерянный. Он выглядит как папаша, который играл с ребёнком на полу в гостиной и теперь силится понять, куда уполз его дорогой младенец. Но потом его огромная голова-тыква (не путать с Огромной Тыквой из фильма «Это Огромная Тыква, Чарли Браун») поворачивается ко мне.

Он сощуривается, глядя своими зелёными глазками на меня любимого, и я вижу, что его лодыжка уже заросла. Вот чёрт.

– Гум уничтожит тебя!

Я высовываю язык:

– Дэдпул увернётся!

Он выбрасывает вперёд лапу. Даже с учётом моих потрясающих рефлексов Гум слишком приткий для плана А – который, как я уже говорил, заключается в том, чтобы увернуться. Я переключаюсь на план Б и отрубая у него кончик пальца.

– Гуму больно!

– На Планете Икс что, нет междометий? Только унылое повествование в третьем лице? «Гуму больно», «Гуму стыдно», «Гум погружается в бездну самобичевания»?

Прежде чем он успевает отдёргнуть лапу, я отсекаю кончик другого пальца.

– Ай!

– Вот это другое дело!

Оказывается, чтобы дать затрецину, все пальцы не нужны. Гум предпочитает не тратить время на восстановление тканей и наотмашь бьёт меня тыльной стороной лапы. Я взрываю в воздух и не то чтобы улетаю за горизонт – всего лишь приземляюсь на другой стороне улицы, врезавшись в фундамент школьного здания. На меня падают куски гранита, известка и, кажется, капсула времени, заложенная в 1954 году. Ушибленный, но не сломленный, я вскакиваю на ноги и раздражаюсь гневной тирадой, которая целиком состоит из проверенных временем цитат:

– Йиппи-кай-йэй, ублюдок! Валяй, порадуй меня! У меня как раз кончилась жвачка! Поздоровайся с моим маленьким другом! Ты со мной говоришь? Это не меня с вами заперли, это вас заперли со мной! Я тот, кто стучит!³ Во имя ненависти изрыгаю я на тебя моё последнее дыхание!⁴

Гум садится. Его голова маячит на уровне третьего этажа. Его пальцы уже обрели изначальную форму, и он делает очередную попытку меня схватить, но на сей раз я к этому готов. Я запрыгиваю на его указательный палец и мчусь вверх по лапе.

Значит, Гум может отращивать отрубленные части тела. Пф! Посмотрим, сможет ли он отрастить *целую* голову.

Его шея за тяжёлыми складками щёк почти невидима – как рассказчик в «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Но мне удаётся её разглядеть. Достигнув плеча, я подпрыгиваю и взмахиваю катаной. Гум падает!

Мир вокруг расплывается. Обычно на мою долю выпадает мало восторгов, и я особо их и не жду, но сейчас я слышу его – дикий рёв толпы, который становится всё громче и громче. Все школьники вскочили в едином порыве, они кричат и подбадривают меня. Меня, малыша Уэйда, над которым все смеялись, – теперь он станет победителем в большой игре! Мяч у меня, остались считанные секунды, и я несусь к кольцу. Попал, говорю вам, попал! Я вижу Софи Макферсон, девочку, в которую влюблён, – дрожа от возбуждения, она вновь и вновь выкрикивает моё имя: «Уэйд! Уэйд!»

– Смотри на меня, Софи! Смотри на меня!

Я говорил, что могу словить глюки в самый неподходящий момент? Никогда не знал, как завести об этом разговор. Это всё равно что раздумывать, на каком свидании признаться, что у тебя дети или проказа. Рад, что можно больше не париться. Не волнуйтесь, вы привыкнете. Наверное. Что их вызывает? Может быть, исцеляющий фактор, заживляя разные травмы мозга,

³ Здесь Дэдпул приводит цитаты из американских кинофильмов: «Крепкий орешек», «Внезапный удар», «Чужие среди нас», «Лицо со шрамом», «Таксист», «Хранители», «Во все тяжкие» (сериал).

⁴ Г. Мелвил. «Моби Дик, или Белый кит». Пер. Н. Бернштейн.

каким-то образом вклинивается в поток сознания. Или тот самый эксперимент, который подарил мне суперсилу и усугубил мой рак, разворошил какие-то глубинные пласты моей психики.

Может быть, что-то, происходящее в данный момент, служит для тебя эмоциональным триггером.

Ага, помнишь, как отец тебя бил?

Что? Вы думаете, драка с огромным монстром, который собирается закусить детишками, может вызвать в памяти баскетбольный матч в средней школе? Ладно. Неважно.

Я мог бы сказать, что отличаю иллюзии от реальности, потому что они рано или поздно прекращаются, но, по большому счёту, всё на свете прекращается, разве не так? Так или иначе, сначала я слышу радостные крики – а потом мои детские мечты рассеиваются как дым. Никакого мяча в кольце, никакой Софи.

Вместо неё мне аплодирует Гум – один хлопок, и я зажат между его ладоней. Он потирает свои бугристые лапы. Я хриплю и вырываюсь, но всё без толку. А потом Гум швыряет меня вниз – очень, очень, очень, очень, очень резко.

Я пролетаю сквозь бронированную крышу припаркованного рядом вездехода. Сквозь сиденье с мягкой обивкой. Вы могли бы подумать, что меня остановит рама, – но нет, я прохожу и сквозь неё и падаю прямо на асфальт, где и лежу в новой, свеженькой яме в форме Дэдпула.

Как Багз Банни, только в луже крови.

Всё, что столько времени срасталось, снова сломано. И даже то, что в прошлый раз уцелело. Мне кажется, что рука в порядке, но прежде чем я успеваю это проверить, Гум поднимает вездеход надо мной.

Он явно хочет отомстить мне за отрубленные пальцы. Вместо того чтобы снова меня схватить, он отбрасывает вездеход в сторону и прыгает, явно желая растоптать то, что от меня осталось, своими лапами-тумбами. И нет, это не фигура речи.

Я, конечно, много всего пережил: пулевые ранения, стрелы в голове, вросшие ногти. Но сейчас я не уверен, что смогу восстановиться, если меня полностью расплющит. И, как я уже говорил, в любом случае будет больно.

Лежа в вонючей тени чудовищных ног, я жалею не столько о том, что смертен, сколько о том, что пропущу кучу классных сериалов.

Новый сезон «Агентов Щ.И.Т. а» уже вышел?

Щ.И.Т. а?

О боже. Я чувствую себя как Дороти, когда она осознала, что в любой момент могла вернуться домой (и, честно говоря, на её месте я бы от души пнул Глинду, которая это скрывала). То, что мне нужно, всё это время было при мне. Единственной рабочей рукой я тянусь к своему навороченному поясу и достаю секретное оружие. Я мог бы сказать, что смотрится оно потрясно, но на самом деле это всего лишь баллончик.

Я прицеливаюсь и выпускаю струю в лицо наклонившемуся Гуму. Мои нынешние работодатели, которые дали мне эту баночку, называют её содержимое нанокатализатором. Вы же знаете, что большинство живых существ – кроме каких-нибудь амёб – состоит из клеток, связанных между собой? Нанокатализатор, который я только что распылил, рушит эти связи.

Насколько быстро он действует? Можете сами посмотреть. То есть прочитать.

Тварь с Планеты Икс, которая только что падала на меня всей тушей, тает на глазах. Гум как будто превращается в огромную лужу, в которой сам же и тонет.

Я не раздавлен. Просто насквозь промок под липким розовым дождём.

Фактически я даже не убил Гума, потому что он не мёртв. Нет, дело не в том, что он будет жить в наших сердцах. Раз у него есть способность к регенерации, все его клетки до сих пор живы – пусть вместе они и образуют хлюпающую розовую *лужу*, каждая капля в которой больше напоминает не Гума, пришельца с планеты Икс, а точку, знак препинания в конце предложения.

Глава 3

БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО всё время пытаются разгрызть на куски – ему не привыкать. Пронзительный вой сирен уже слышится за голосами галдящей детворы, криками толпы, гудением автомобилей и стуком осыпающихся камней. У меня наверняка разболелась бы голова от этого шума, если бы мои уши не были надёжно заткнуты клейкой субстанцией, прежде известной как Гум.

Я ожесточённо трясую головой, чтобы избавиться от липкой дряни, но она забилась очень глубоко. Я всё ещё занят её извлечением, когда уличную какофонию перекрывает гул двигателей. Обрывая затянувшийся спор полицейских, санитаров и пожарных о том, кому первому проехать на место происшествия, рядом со мной приземляются четыре гравилёта.

Что такое гравилёт? Ну, представьте, что летающий авианосец отложил яйцо, из которого при необходимости вылупляется группа быстрого реагирования из четырёх-пяти агентов. Для сравнения, в экипаже самого летающего авианосца – Геликарриера – около пяти тысяч человек, и заранее ясно, что место у окна достанется не всем.

Всё это принадлежит Щ.И.Т.у.

Вы не знаете, что такое Щ.И.Т.? Ох, за это я мог бы вас как следует разукрасить... Но порой я не могу вспомнить даже имена своих голосов в голове, так что оставим это.

У нас есть имена?

Тс-с.

У Щ.И.Т. а было множество пафосных официальных названий, все и не упомнишь. Когда-то они считали себя высшим звеном международной организации по борьбе с преступностью, в девяностых стали директором стратегических, логистических и оперативных подразделений, потом превратились в интервенционную тактико-оперативную логистическую службу. Но, как говорила Гертруда Стайн, роза это роза это роза это роза.

Для меня они всегда были Щедрыми Изобретательными Тунеядцами. Но, пока они используют забавный слоган «Не отступай, с Щ.И.Т. ом вставай!» и платят мне наличными, мне плевать, как они себя называют.

Двигатели замирают, люки распахиваются, и наружу выпрыгивает лидер команды, чтобы оценить масштаб трагедии. Это симпатичная афроамериканка, жена, мать и настоящая машина для убийства. Машина в буквальном смысле – она робот. Кто-то заметит, что её искусственное тело могло бы быть и постройнее, но ей и так нравится. Она само совершенство – эталон разумного и эффективного руководителя. Пока не делает такое лицо, словно зашла в детскую, а там бардак.

Вдоволь позакатывав глаза, она принимает официальный вид и строго говорит в свою рацию:

– Оцепите это... это... эту *лужу*. Никого не впускать и не выпускать, кроме тех, кому нужна экстренная помощь, пока мы не обезвредим каждую каплю этой жижи.

Из гравилёта выскакивает команда агентов, облачённых в тёмные кевларовые костюмы и сбалансированных по национальному и половому признаку, и приступает к работе.

Я ещё несколько раз дёргаю головой. Раздаётся хлопок – и вуаля, у меня теперь есть свободное от Гума ухо. Я показываю главе отряда большой палец:

– Эгей, Престон! Я не отступал, с Щ.И.Т. ом вставал!

Она снова закатывает глаза:

– Привет, Уэйд.

Она меня так называет, потому что это и есть моё имя – Уэйд Уилсон, и мы с агентом Эмили Престон друзья. У меня их немного. Друзей, не имён.

Что до имён – честно говоря, не факт, что Уэйд Уилсон – моё настоящее имя. Из-за своего психического состояния я плохо помню жизнь до эксперимента. И во время его. И после. Как-то я встретил парня, который сказал, что настоящий Уэйд Уилсон – это он. Но, опять же, я мог всё это выдумать, или сам это сказал, когда крутился перед зеркалом и готовился к свиданию с Софи, или ещё что-нибудь.

Но вы, вы-то знаете, что я и так всё выдумал. Как вы можете отличить правду от вымысла, особенно без картинок? Картинки никогда не врут. Это с текстовыми пузырями стоит держать ухо востро.

Когда-то у меня был воздушный шарик. Кажется. Большой жёлтый шарик. Я аж подпрыгивал от волнения, сжимая его в своей детской ручонке, и тут папа сказал: «Уэйд (он называл меня по имени, поскольку был моим отцом, и, кажется, это свидетельствует в пользу того, что я и вправду Уэйд), не хочешь посмотреть, что будет, если отпустить верёвочку?»

И я...

О боже. Боже. Боже.

Это был шарик на верёвочке?

Или щенок на поводке?

Нет. Собаки у меня не было. Никогда. Насколько я помню. Единственная причина, по которой мне в детстве могла бы понадобиться собака, – произвести впечатление на Софи. Девчонки тащатся от всех этих миленьких зверушек.

Так или иначе, Престон – одна из трёх моих друзей. Да, кажется, трёх. За ними трудно уследить – то они умирают, то предают, то оказывается, что их вообще не существует и я всё это время тусил сам с собой. К слову, Престон-то как раз умирала – отсюда и механическое тело. Фактически Престон – живая модель: реконструкция человека, особое изобретение Ш.И.Т.а. Сокращённо – ЖМ. Выглядит она совсем как человек – про меня вот такого не скажешь.

Кроме Эми, есть ещё Слепая Эл, но она была моей пленницей или вроде того. И Боб, агент Гидры. Он был мой большим фанатом, но я пытался его убить, он тоже пытался меня убить, и вышла довольно мутная история. А потом... Слушайте, если правда хотите знать всю эту ерунду, можете почитать любой комикс с моим участием. Если только вы не из тех выпендрёжников, которые говорят: «Ой, я читаю только книги, я такой умный, ля-ля-ля, вы только посмотрите, какой я умный!»

В противном *случае* в следующий раз, когда я сломаю четвёртую стену⁵, я обрушу её вам на голову. Не думайте, что я не могу выбраться из этих страниц и мило поболтать с вами о развитии пространственного мышления.

Да-да, ребята, я с вами говорю.

– Уэйд, с кем ты разговариваешь?

А? Что? Ни с кем!

О чёрт! Забыл тире в начале строчки.

– Ни с кем, Эми! Что такое?

Она идёт ко мне, нахмурившись.

– А, неважно. Не хочу ничего знать.

– Осторожно, не наступи в Гума.

Эмили смотрит под ноги, морщит нос и взмахом руки подзывает ещё двух агентов. Они подбегают, держа в *руках* что-то вроде навороченного пылесосного шланга с металлическим наконечником. Престон с важным видом показывает пальцем на лужу слизи, и агенты берутся за дело.

При нажатии на сенсорную панель мигают лампочки, раздаётся шум, и железный шнобель начинает всасывать гумомассу, как будто это сладкий вишнёвый сироп. Шланг с утроб-

⁵ Четвёртая стена – воображаемая стена между зрителем и актёрами в традиционном «трёхстенном» театре.

ным звуком поглощает розовую дрянь, и она стекает в большой бак, установленный на одном из гравилётов. Бак действительно огромный – прямо как та штука, в которой Гомер Симпсон хранил навоз свина-паука по прозвищу Плоппер. Кстати, о словах на *букву* «П»: это приспособление просто поразительно придиричиво для пылесоса. Оно не всасывает ничего, кроме слизи.

Дождавшись, пока асфальт между нами расчистится настолько, чтобы на него можно было наступить без риска для ботинок, агент Престон подходит ко мне.

– Поранился?

– Даже не знаю, как тебе ответить.

– Сильнее обычного?

– Всегда готов, мэм! Не отступаю, с Щ.И.Т. ом... вставаю?

– Ну что ты заладил, а? Этот девиз никто не использует со времён шестидесятых. Даже неприлично.

Мне с трудом удаётся расслышать, что она говорит, и я быю себя по голове, чтобы прочистить второе ухо. Никакого эффекта. Теперь ещё и в правом ухе звенит, потому что я нехило себе врезал. Я даже собственные слова с трудом разбираю, не то что чьи-то ещё. Так что я ору:

– А ПОСЫЛАТЬ МЕНЯ ВОРОВАТЬ ЩЕНКОВ, КОТОРЫЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ГИГАНТСКИХ МОНСТРОВ, – ЭТО ПРИЛИЧНО?!

Эми шикает, как будто я громко пёрднул в церкви.

– Тихо ты! Люди уверены, что Щ.И.Т. прибыл сюда, только чтобы подчистить за тобой. Именно поэтому мы тебе и поручили эту работу.

Я снова стучу себя по уху.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛА, ЭМИ? КТО-ТО ЗАСТРЯЛ В ПЕЩЕРЕ, И МНЕ НАДО СПЕШИТЬ НА ПОМОЩЬ?

Она прищуривается и кивает агентам:

– Почистите его.

Те наставляют свой шнобель на меня и начинают возить туда-сюда – тык-тык здесь, вжик-вжик тут.

– АЙ! ОСТОРОЖНЕЕ ТАМ, НА МНЕ ФАМИЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ!

– Всё до капли.

– Есть, мэм.

– ХА-ХА-ХА! ЩЕКотно! Ладно, Престон, хорошо! Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ! НЕ БУДУ!

Я выхватываю у них шланг и прижимаю наконечник к уху. С громким хлопком кусочек какой-то дряни выскакивает из моей драгоценной евстахиевой трубы и, прогремев вдоль шланга, падает на дно бака.

– Удар! Гол! – выкрикиваю я. Но рядом нет ни Софи, ни даже спортзала, и кричалка получается какой-то грустной. – Агент Престон, я с прискорбием вынужден сообщить: вероятно, мне высосали кусочек мозга. Внимание: если это был правый височно-теменной узел, мои моральные принципы рискуют пошатнуться. Если вы беременны или планируете, будьте со мной осторожны.

Эмили скрещивает руки на груди.

– Нет у тебя никаких моральных принципов. К тому же Смерч-9000 засасывает только биоматериал, подвергшийся воздействию нанокатализатора.

Я поднимаю свой славненький баллончик с распылителем:

– Мои комплименты шефу за самый крутецкий водяной пистолет на свете!

Нацеливаю баллончик на Эми:

– Пиф-паф!

Престон уворачивается. Остальные агенты, которых мне лень описывать, кидаются врассыпную.

– Дэдпул! Эта штука может превратить в жижу любое живое существо, включая тебя!
Я пару раз подбрасываю баллончик и возвращаю на пояс.

– Шучу. Я в курсе. Я же не дурак. Я читал инструкцию. Применять только при крайней необходимости.

Эмили обводит взглядом огромные ямы на асфальте, дома с осыпавшейся штукатуркой и поломанные машины.

– Кажется, ты упустил момент, когда она возникла, эта крайняя необходимость.

– Ну, надо же было убедиться, что Кип на самом деле опасен! – исцеляющий фактор медленно, но верно делает своё дело, и я встаю и потягиваюсь. – На этих поганных улицах вечно так. Гум был живой, Гум был голодный, Гум съел Бернардо, Гум остался жив, Гум нагулял аппетит и решил полакомиться первоклашками. Пора бы уже научиться хранить наш самый ценный ресурс – детей – под землёй!

Эми снова хмурится.

– Как ты сказал? Гум? С планеты Икс?

– Да, именно так я и сказал, целых пять раз. А что? Ты с ним знакома? – Я выгибаю спину и слышу отчётливый хруст – какая-то косточка то ли встала на место, то ли сломалась, и поделом, нечего торчать где не надо. – Вы встречались? А Шейн, твой муженёк, – он в курсе? Колись, подруга.

– Просто звучит как-то... знакомо. – Её электронные глаза, которые обычно не отличаются от настоящих, начинают испускать лучи, и в воздухе мелькают строчки данных. Смотрится это довольно дико, но природная вежливость заставляет меня промолчать.

Эмили сканирует информацию и хмурится. Доступ к нужному файлу заблокирован.

– Да, мы знали, что кто-то создавал в лаборатории «Оружия Икс» суперхищника, который на стадии личинки выглядел как собака. Но понятия не имели, во что превратятся эти пёсики. Зачем их подкидывают в магазины под видом домашних зверушек – вот в чём загадка.

Я приподнимаю бровь, но, как я уже говорил, под маской этого не видно.

– В *этом* загадка? Мы так замотались, что нас несколько не интересует, зачем кому-то выращивать монстра-людоеда, чьи личинки выглядят как щенки?

– Ладно, ладно, давай сойдёмся на том, что это более актуальная загадка. А то этих загадок столько, что нам обоим с головой хватит. – Проекция исчезает. – Если я ещё что-то раскапаю, дам тебе знать.

– А когда ты спишь, ты тоже так сигналишь? Шейн, похоже, из терпеливых.

– Ага. Но Джеффу нравится, когда я перед сном читаю ему голограммы.

Агенты на подсосе закончили своё дело, и Эмили жестом велит им вернуться в гравилёты.

– Одним щенком меньше, но их ещё полно, Уэйд. Если ещё какие-нибудь перевоплотятся, под угрозой окажутся сотни жизней. Тебе стоит с этим разобраться.

– Не проблема, амиго. – Я достаю планшет и пробегаюсь глазами по списку.

Мне казалось, что их меньше. Ничего себе списочек.

Даже с учётом того, что один уже готов.

И что, нам от каждого придётся огрести?

– М-м-м... Престон! Учитывая всё, что мы говорили об оперативном реагировании и всяком таком, может, я не буду дожидаться, пока они начнут учинять разгром? Ну, знаешь, побрызгаю их слегка, пока они ещё не переродились. Сэкономлю время и деньги.

Ох, вот это взгляд сейчас был!

– Нет, нельзя. Я же тебе говорила, мы взяли этот список из базы питомника. Личинки монстров тут соседствуют с обычными собаками. Мы понятия не имеем, где тут жуткие продукты биоинженерии, а где настоящие щенки.

– И поэтому...

Эмили широко раскрывает глаза:

– Уэйд! Я думала, ты любишь собак.

– Не люблю. Я это сказал только ради слогана на обложке. Чтобы у читателей был повод себя со мной ассоциировать. Я одинокий профи. Никогда не держал собак и не планирую. Кстати, в некоторых странах их считают деликатесом.

Её глаза распахиваются ещё шире. Не думал, что это возможно. Интересно, так только Живые Модели умеют?

Пока она не сломала свой глазорасширитель, я ставлю ногу на бетонную глыбу, опираюсь о колено и устремляю взгляд вдаль – теперь всё готово для небольшого монолога.

– Да, конечно, в детстве я был равнодушен к Снупи, но, если бы я сейчас завёл питомца, всем бы от этого было только хуже. Только представь. Начинается всё вполне невинно: он бежит за мячиком, тычет мне в щёку холодным носом, облизывает меня шершавым языком. Но не успеешь и глазом моргнуть, как он уже спит у меня в ногах и испытывает ко мне безусловную любовь – круглосуточно, без перерыва на обед. Ты представляешь, что со мной будет?

Эми ухмыляется.

– Гм. Станешь счастливее? Слушай, хватит голову дурить. Я же тебя знаю. Ты ни за что не обидишь щенка. Разве не так?

Я завожу руки за спину, опускаю глаза и ковыряю носком асфальт.

– Не обижу. Ты права.

Она улыбается.

– Я так и думала.

– Но так было бы эффективнее.

Глаза снова распахиваются:

– Что ты сказал?

– Ничего.

– Ты же хочешь получить деньги за эту работу, верно?

– Да.

Эмили упирает руки в боки.

– Посмотри на меня. Сейчас же. Ты хочешь, чтобы я тебя уволила к чертям?

– Нет. Но я думал, тебе нравится, что я убиваю плохих парней.

– Мне в принципе не нравится, что ты кого-то убиваешь. И говори со мной как взрослый, а? Или кто ты там.

Я прокашливаюсь:

– А как насчёт того случая, когда я застрелил убийцу из Гидры, которого подослали к твоей семье?

– Это другое. Тогда ты спас нам жизнь. Но сейчас, пока эти щеночки не превратились в опасных тварей, о спасении жизней речи не идёт. И, может, перестанешь уже разговаривать со мной как с мамочкой? Хватит с меня и того, я что твой друг.

– Хорошо. Как мне заслужить прощение?

Она отмахивается от меня, словно от большой красно-чёрной мухи.

– Ну давай, проваливай, пока ко мне не вернулись остатки здравого смысла и я не отняла у тебя аэрозоль. Не забывай, ты получил эту работу только потому, что я всех уверила, будто ты не такой псих, каким кажешься. Не подведи меня.

Я тащусь прочь. Мысли скачут у меня в голове, словно теннисные мячики.

Ты не обидишь собаку.

Разве не так?

Помнится, кое-кто волновался, как в книжке будут смотреться все эти внутренние диалоги. Вердикт ещё не вынесен, но я начинаю задумываться, так ли уж они мне необходимы.

Стой.

Что?

Нет, ну ребятки, по правде, зачем вы нужны? В комиксах всё это было забавно, но даже там, по сути, вы делали три вещи.

1) Перекидывали мостик между фантазиями и объективной реальностью (ну или той, которую договорились таковой считать). Но я уже рассказывал, как мне приглючилась игра в баскетбол, – и никакие голоса не понадобились.

Да, но...

2) Разграничиваете то, что я говорю про себя, и то, что произношу вслух. Но у всей этой байды один рассказчик – это я, и вслух я произношу только то, что оформлено как диалог, – взять хотя бы болтовню с Престон.

И всё же...

3) Позволяете высказаться мои субличностям: Хорошему Уэйд и Плохому Уэйд, Безумному Уэйд и Чуть Менее Безумному Уэйд.

Вот! Вот оно.

С этим ты без нас не справишься.

Неправда. На самом деле у меня всего одна личность. Я знаю, что вы – это я. К тому же диагноз «диссоциативное расстройство идентичности» давно никому не ставят – так что утритесь, фанаты фильма «Сибилла». Сейчас психологи считают, что это скорее ролевая игра – просто пациент в неё заигрался.

Но разве нас ты не считаешь реальными?

Ой, да ладно вам. Если в лесу падает дерево, а рядом никого нет, слышен ли звук?

Да.

Неужели? Откуда ты знаешь, умник?

Оттуда же, откуда и ты знаешь, что в пустом лесу упало дерево, придурок.

Гм. Ох, ребята, не могу я на вас долго сердиться! Оставайтесь, так и быть!

Глава 4

ПРЕСТОН МОЖЕТ БЫТЬ СПОКОЙНА насчёт щеночков. Дело не во всякой там сентиментальной дребедени, просто у меня есть свои рамки. Да, я люблю убивать, в этом деле я виртуоз, но расправляюсь я только со всяким гнусным отребьем, которому туда и дорога. Конечно, я часто об этом думаю и разговариваю как суровый парень – надо же соответствовать образу. Но, когда доходит до дела, я не трону даже комодского варана с ботинком в ядовитой пасти, если не буду уверен, что внутри этого ботинка есть нога. А не то мне в зеркало будет стыдно смотреть.

Хотя в зеркало я и так не гляжусь – с моими-то гнойными язвами, спасибо раку. Одни носят маски, чтобы скрыть свою личность, другие – чтобы защитить близких. Я её натягиваю, чтобы у меня лицо не сползло с черепа.

Второе место в списке – «Мир мохнатых малюток» в Йонкерсе. Этот зоомагазин неосмотрительно обзавёлся восточноевропейской овчаркой, которая может оказаться кайдзю (так в Японии называют всяких странных тварей, если что). Название породы мне мало о чём говорит. Я понятия не имею, как выглядит восточноевропейская овчарка, и мне слишком лень это гуглить. Это как немецкая, только пушистая, что ли? Или серая и огромная?

Ладно, на месте разберусь.

Отправляюсь я туда не на машине и не на метро. У Щ.И.Т. а есть гравилёты, у Майкла Найта – КИТТ, у актёра-ковбоя Роя Роджерса был конь по имени Триггер (из которого он после смерти сделал чучело – а вы ещё говорите, что я странный). У меня есть телепорт, встроенный в мой чудесный стильнёвский пояс. Душа у меня поёт, в лицо бьёт свежий ветер, задница обтянута эластичными штанами – и я щёлкаю пятками, хлопаю по пряжке и говорю: «Бамс!»

Я говорю «Бамс!», потому что терпеть не могу звук «Бззз», который издаёт мой телепорт. Словно какой-то доставучий будильник. Моё прибытие, правда, он никаким звуком не сопровождает, так что я могу спокойно подкрадываться к людям. Но в этот раз при телепортации что-то внезапно вспыхивает – и никак не желает гаснуть.

Может, телепорт испортился при падении в первой главе? Да нет, с ним всё нормально. Проблема, как обычно, в реальности. Этот дурацкий слепящий свет излучает вывеска над «Миром мохнатых малюток».

Это не какой-то там маленький магазинчик, передающийся от отца к сыну, – это настоящий супермаркет. Вместо обычного набора всяких неодушевлённых товаров, в основном еды, здесь представлены самые разнообразные формы жизни – их выращивают, упаковывают и продают, чтобы они веселили и эмоционально поддерживали представителей доминирующего вида.

Это даже не супермаркет, а настоящий гипермаркет – он занимает почти весь торговый центр напротив ипподрома, в двух шагах от водохранилища Хиллвью.

Не думайте только, что у меня предчувствие или что-нибудь такое, но как было бы драматично, если бы с этим водоёмом что-нибудь случилось! Хиллвью снабжает питьевой водой миллионы манхэттенцев. Можете себе представить?

Русский драматург Антон Чехов однажды заметил примерно следующее: «Вычёркивайте всё, что не имеет отношения к истории. Если в первом акте на стене висит ружье, во втором или третьем оно обязательно должно выстрелить. Если из него не *будут* стрелять, не надо его туда вешать».

Но он умер, а я жив, и я призываю вас не делать никаких выводов из того факта, что я вооружён нанокатализатором, способным превратить любое живое существо в вязкую жижу, а рядом как раз находится водохранилище.

А как же ипподром? А он вообще ни при чём.

Ещё раз: ничего не произойдёт ни с лошадьми, ни с водохранилищем, ферштейн? Вся эта глава посвящена опасностям, которые поджидают меня в магазине, – и мне, Дэдпулу, человеку, который оказался в нужное время в нужном месте, пусть и не в нужном состоянии рассудка.

Одним прыжком я подскакиваю к автоматическим дверям супермаркета. Меня до сих пор ужасно прёт, когда двери открываются сами собой. Прямо магия какая-то! Они разъезжаются в стороны, и я попадаю в тот самый мир мохнатых малюток. В нос мне ударяет запах помёта. Ничего себе малютки, столько нагадить! Уши наполняют крики, визг и писк – и всё это исходит от детишек, которые клятвенно обещают родителям, что будут заботиться о своём новом ком угодно, пусть даже у них бардак в комнате, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Папа, можно мне собаку?

С одной стороны от меня стена пузырящихся аквариумов. С другой – пронзительно орущие птицы, которым плевать, что вы знаете, как убить пересмешника. Чуть дальше мыши и прочие грызуны вовсю предаются разврату на глазах у своих и человеческих отпрысков. Рядом с ними – хищные рептилии, которые наблюдают за смешными зверьками вроде хорьков и размышляют, долго ли их переваривать. А справа я вижу свою цель: целую кучу твякающих щенят.

Зоомагазин – место, где всем есть чему поучиться. Дети, выросшие на полуфабрикатах, познают здесь жестокость пищевой цепи, взрослые – жестокость рыночной экономики, а выпускники колледжей – жестокость низкоквалифицированного труда.

Но я знаю кое-что, о чём им всем невдомёк: за мнимой идиллией клеток, опилок и пачек с кормом (20 % бесплатно!) скрывается бомба с часовым механизмом. В любой момент мир мохнатых малюток вместе со всеми его обитателями может разорвать на куски разъярённое чудовище, до поры замаскированное под мягкую дружелюбную муфту.

Или нет. Может быть, это просто щенок овчарки.

Так что же мне предпринять? Кип переродился прямо у меня на глазах, но это могло быть счастливой случайностью. Насколько мне известно, превращение может занимать несколько дней и даже недель. Но список у меня длинный, и что-то внутри подсказывает: надо скорее разобраться с затаившимся ужасом, пока он не перестал таиться и не стал поистине ужасным. Может быть, это «что-то» – один из голосов в моей голове.

Не вздумай всё валить на меня.

Или на меня.

Гм. Кип переродился сразу после падения с большой высоты. Может, внезапный выброс адреналина запускает процесс.

Я думаю, мы имеем дело с неформальной логической ошибкой.

Post hoc, ergo propter hoc. На основании того, что одно событие произошло после другого, нельзя заключить, что оно произошло вследствие другого.

Получается, мне просто надо устроить небольшую заварушку и посмотреть, что из этого выйдет.

Катаны хороши, когда хочется не привлекать к себе внимания. Сейчас не такой случай. Я вскакиваю на прилавок, выхватываю пистолеты и начинаю палить в воздух.

Пиф-паф! Дзынь!

На меня сыплются куски штукатурки и дешёвой потолочной плитки. Покупатели визжат. Продавцы бросаются в укрытие. Золотые рыбки ныряют в подводные замки и носу не кажут наружу, и – что самое прекрасное – чёртовы птицы, наконец, затыкаются. Чтобы никто не подумал ничего дурного, я громко объявляю:

– Граждане, не волнуйтесь! Я меткий стрелок и никого не пораню! Я просто хочу разозлить монстра, чтобы он нам показался!

Пыдыщ-пыдыщ! Бабах!

Но разве они слушают? Разве они замечают, что я просто рисую узоры на стенах? Нет. Все в панике, в панике, в панике, все бегут, бегут, бегут. Чёрт побери, Шерлок Холмс целые слова на стене выбивал, а миссис Хадсон хоть бы моргнула! Никто меня не любит.

Пиу-пиу!

Ну хотя бы менеджер сохранил рассудок. Он, пригнувшись, подбегает ко мне, размахивая одной из тех алюминиевых шуток, которыми достают товар с верхних полок.

– Хватит! Хватит!

Он замахивается на меня своей палкой, словно это бита. Я мог бы заметить, что, даже будь это бита, у неё было бы не очень-то много шансов против двух пушек. Вместо этого я смотрю на менеджера с восхищением.

– Нужны стальные яйца, чтобы подобраться к чуваку в маске, который устроил стрельбу в магазине. Я уважаю это, сэр.

Я продолжаю стрелять – но уже с чувством глубокого уважения.

Тра-та-та-та-та!

– Да ты маньяк! Прекрати!

– Сэр, детали я вам разгласить не могу, но боюсь, что вам и вашим посетителям может грозить опасность.

Он снова замахивается:

– Из-за тебя, чёртов псих!

Алюминиевая палка ломается о прилавок. Менеджер явно расстроен. Я мог бы ему сказать, что оружие из этих шуток так себе, но меня никто не спрашивал. Чтобы он не распеживался, я продолжаю с ним беседовать.

– Сэр, я ищу восточноевропейскую овчарку, которую привезли сюда два дня назад, только – вот незадача – не знаю, как выглядят эти овчарки. Не могли бы вы их описать? Не обязательно использовать многословные конструкции, но я хотел бы вас попросить сделать описание как можно более выразительным.

Бух! Пух!

Лицо менеджера наливается краской:

– Овчарку?!

Он пытается схватить меня за ногу, но бедняге недостаёт роста – это, к слову, объясняет, откуда у него взялась та палка.

– Нет нужды повышать голос, сэр. Я делаю что могу.

На багровом лице выступают капли пота.

– Вы пришли в магазин и стали стрелять – просто так, без всякой цели!

– Может показаться, что у меня действительно нет цели, но, как говорил Оруэлл, «те, кто “отрекаются” от насилия, могут делать это только потому, что другие творят насилие за них».

Бдыщ-бдыщ! Бам!

– Идиот! Мы только что продали этого щенка!

Падада...

– Ох.

Ладно, патроны всё равно кончились. Я направляю дула вверх и извлекаю обоймы. Учитывая мой прокол, смотрится это вовсе не так круто, как я рассчитывал. К тому же одна из обойм отскакивает от головы менеджера и падает в клетку с хорьками.

– М-м-м... Как давно?

– Да где-то за минуту до того, как ты вошёл! Ты только посмотри, что ты натворил! Боже мой! Господи!

Я смущённо озираюсь. В стенах и в паре прилавков остались дыры, но из аквариумов треснул всего один. Я хочу сказать что-то об омлете, который нельзя приготовить, не разбив яиц, но тут мои уши улавливают знакомый звук – вой сирен.

– Сэр! Неужели вы вызвали полицию?

Крепко сложенный низкорослый менеджер меня не слушает. Он слишком занят – выводит последних оставшихся покупателей и сотрудников через заднюю дверь.

Я машу рукой:

– Храни вас бог, сэр! Храни вас бог!

И остаюсь один, наедине со своими мыслями, наедине с ускользающими воспоминаниями, несовершенными чувствами – и несколькими сотнями животных. Эй, это значит, что я вообще не один, да? Но кто здесь настоящие животные? Беспомощные создания, которых мы называем домашними питомцами? Люди, которые, уподобившись богам, торгуют их жизнями? Или чокнутый парень с двумя дымящимися пушками?

Парень с пушками.

Определённо.

Тут есть над чем подумать. Но сейчас, стоя в куче осыпавшейся штукатурки и наполнителя для кошачьих туалетов, как в огромном сером сугробе, я слышу кое-что ещё, помимо завывания сирен, – жалобный крик, пронзающий тьму:

– Помогите! Помогите! На помощь!

Где-то там невинная душа попала в беду. Где-то там рождается монстр.

И я чувствую, что должен идти на зов.

Глава 5

КАПИТАН АМЕРИКА – суперсолдат; герой Второй мировой; человек, который, несмотря на то что с момента его судьбоносной встречи с сывороткой, подарившей ему суперсилы, минули десятилетия, до сих пор помнит, каково это – быть слабым, и оттого по-настоящему осознаёт, что такое быть сильным.

Капитан Америка – Первый мститель, человек, настолько сроднившийся со звёздами и полосами, гордо украшающими его костюм, что даже самые близкие его друзья не всегда понимают, где кончаются высокопарные идеи и начинается настоящий человек из плоти и крови.

Капитан Америка – Чемпион Демократии, Страж Свободы, Телохранитель Билля о правах, человек вне времени, человек, застрявший в современном мире, который движется так стремительно, что временами кажется, будто он уже перерос те самые принципы, которые позволили ему достичь таких высот.

Капитан Америка – человек, о котором в этой книжке не будет больше ни слова.

Я вас обдурил. Если ты психопат – значит, можно никогда не извиняться. Кто успел, тот и съел, так-то, ребятаки.

Но довольно.

Со стучащим сердцем, на пружинящих ногах и _____ (с чем-то быстрее молнии), с обострёнными до предела рефлексам я устремляюсь к выходу из зоомагазина, подвергнутого децимации.

Именно так. Где-то десятую его часть я и разгромил.

Я рвусь вперёд, готовый рьяно ринуться на разборки с ревущим разъярённым монстром. Но знаете что? В безумном ритме нашей жизни иногда нужно остановиться и просто понюхать розу. Поэтому я приостанавливаюсь возле автоматических дверей и пару раз заставляю их открыться и закрыться. Нет, ну до чего же классно!

Эм-м-м... А монстр?

Да-да, я как раз об этом хотел сказать. Оказавшись на улице, я вновь слышу отчаянный крик: «На помощь! На помощь! Помогите!»

Я смотрю налево, смотрю направо, смотрю назад. Заглядываю себе под ноги. Ничего. По крайней мере, ничего такого, до чего хотелось бы дотрагиваться. Не вините меня. Люди паршиво ориентируются по звуку. Именно поэтому басовая колонка всегда только одна – почти никто не может разобрать, откуда исходит низкочастотный звук.

– Помогите! Спасите! На помощь!

Хм. Может ли этот крик раздаваться изнутри?

Не-а.

Тут ничего нет.

Исчерпав все варианты, я смотрю в единственном оставшемся направлении – вверх. И что бы вы думали? Вот мой крикун! Гм. Смотреть тут особо не на что. Может быть, это папа, который купил щенка овчарки, чтобы сделать детишкам сюрприз, или одинокий бизнесмен, который хочет, чтобы вечером после работы дома его кто-то ждал. Я могу дать вам информацию о его возрасте, весе, росте и цвете волос, вернуть какую-нибудь сочную метафору (лицо, кислое, словно выжатый грейпфрут) – но, скажу вам честно, это очень скучный тип. Я бы тогда лучше вернулся назад и описал тех агентов Щ.И.Т.а. И реплики у него тоже совершенно беспомощные:

– Помогите! Помогите! Помогите!

Никакого намёка на характер, никакой информации, которая могла бы продвинуть вперёд сюжет. Никаких тебе «Меня похитили!», или «Мой новый щенок превратился в огромное

чудовище, и у меня есть основания полагать, что это не к добру!», или «А-а-а! Мир перевернулся! Тот, кого я раньше держал в руках, теперь сам меня держит!».

С другой стороны, существо, которое держит его на весу, – на нём стоит остановиться поподробнее. О, о! Кто-нибудь, дайте мне мой шёлковый веер, тот, который с чёрными блёстками, не то я лишусь чувств!

Хлопая крыльями, куда более внушительными, чем у Гума, монстр кружит метрах в двадцати над Центральной авеню, сжимая истошно орущего болвана в своих... интересно, можно ли назвать это руками? В целом это существо больше всего похоже на большой старый дом из серого камня – но домом его назвать нельзя, потому что дома вроде как не летают. Может, эта штука прилетела с Парада воздушных шаров на День благодарения? Не-а. До праздника ещё далеко, да и зачем кому-то делать серый воздушный шар?

С колотящимся сердцем я взбираюсь на припаркованный поблизости фургон, чтобы лучше всё разглядеть. На поверхности серой каменной громады проступают угловатые контуры тела, как лица президентов на скале Рашмор. А крылья? Ох, мама! Они широченные, словно у исполинской летучей мыши. И довольно стильные – их острые кончики идеально сочетаются с заострёнными *ушами* по обеим сторонам типичной гоблинской рожи. Может показаться, что тому, кто похож на кусок гранита, одежда не нужна, но монстр натянул шорты – такие же серые и бугристые, как и его шкура, скрывающие органы, которых, может, у него и вовсе нет.

В отличие от Гума, этот парень как две капли воды похож на... как там называются те скульптуры, которые сидят на карнизах и служат водостоками? Святой Роман ещё с такой сражался в седьмом веке. И мультсериал про них был. Вертится же на языке...

– Пусть мир узрит могущество Горголлы из племени Живых Горгулий!

Я щёлкаю пальцами.

– Горгулья, точно! Спасибо! Но... Горголла? Слушай, чувак, звучит как название сыра.

То ли монстр меня игнорирует, то ли он слишком высоко и ничего не слышит. Не беда. Я ведь сама ловкость. Точно рассчитанный прыжок на пожарную лестницу, вверх по перекидинам, ещё прыжок, сальто в воздухе, приземление с кувырком – и вот я уже бегу по крыше зоомагазина, на одном уровне с машущими крыльями монстром.

– На помощь! На помощь! Спасите! – вопит беспомощная жертва.

Да, да, как скажешь. Уже звоню во все газеты.

Я прыгаю с крыши и приземляюсь на здание соседнего кинотеатра. Оно пока не достроено – и, скажу я вам, бардак тут изрядный. Я попусту теряю время, петляя между открытыми ящиками, обломками вентиляционных труб и прочим хламом. В первоначальном варианте этой главы я даже наступал на грабли, которые били меня по лбу, но все согласились, что это слишком нелепо. Конечно же, здесь есть жёлоб для строительного мусора, но разве кто-то им пользуется? Как бы не так.

– Эй, Гарги! Теперь ты меня слышишь?

Он даже не смотрит в мою сторону. Я швыряю ему в нос кирпич, и тогда он скашивает на меня глаза и поправляет:

– Я Горголла! И я голодный!

Что бы вы думали? Он действительно меня игнорировал. Видимо, я его обидел. Пока у него в руках *крикун*, я не могу воспользоваться спреем, так что я предпочитаю сыграть на его слабостях.

– Эгей, Га-га-о-ля-ля! Сердишься, когда ничтожные людишки коверкают твоё имя? Хочешь излучать силу, я понимаю. Но если ты и вправду желаешь, чтобы мир, как ты сказал, узрел твоё могущество, тогда я спрошу: как Живая Горгулья вроде тебя дошла до того, чтобы схватить этого мистера Монотонистера, который всё время твердит одно и то же? Что это о тебе говорит? Нас всех, хотим мы этого или нет, судят по нашим жертвам, разве не так?

Монстр приподнимает крикуна и глядит на него.

– На помощь! Помогите! На помощь!

Судя по выражению лица, горгуль со мной согласен.

– На твоём месте я бы поднял ставки. Взял бы в плен кого-нибудь более заметного, кого-то, кто сумел бы приковать внимание всего мира. Кого-то... – я выпячиваю грудь, готовый сказать «вроде меня», но, не успеваю я закончить фразу, план срывается. Монстр бросает крикуна.

Ты просто молодец!

И настоящий умник!

Я уже сказал, вы можете остаться. Не надо подлизываться.

Так или иначе, Горгонзола улетает искать кого-нибудь более заметного, а мне приходится оставить его на десерт и сосредоточиться на пострадавшем.

Который падает с криком «На помощь! На помощь! На помощь!».

Эх. Я, конечно, не какой-нибудь там супер-пупер-герой, который из кожи вон лезет, чтобы спасти всякого неудачника, готового встретиться с асфальтом, – но этот парень до сих пор верещал бы в когтях у Горгорота и был бы в целости и сохранности, если бы я держал рот на замке. Раз это мой косяк, надо что-то предпринять.

Поскольку лучше всего я умею целиться и стрелять, я пару раз палю в жёлоб для мусора. Крепления слетают, и жёлоб услужливо ловит болвана на середине слова «Помогите». Теперь он проживёт остаток своей дурацкой жизни в относительной безопасности.

Потому что... ну-ка...

Ты молодец!

Всё правильно сделал!

Всё как по маслу. Не пострадал ни один волосок у него на...

Гм, а может, и пострадал. Удар оказался слишком резким, и теперь парень катится по земле, словно тряпичная кукла – или, точнее говоря, словно безвольный *труп*. Мне всё-таки кажется, что он жив, но издалека не разберёшь – он ведь перестал твердить «Помогите!».

Вот чёрт! Придётся проверить.

Зря я это затеял. Как только я шлёпаюсь в мусорный бак, болван подскакивает, обнимает меня и утыкается головой мне в плечо. И что же говорит этот парень, только что вернувшийся с того света?

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Надо же, как изобретательно.

Я отпихиваю его не заслуживающие описания руки.

– Серьёзно? Больше тебе нечего сказать? Даже благодаришь ты уныло! Знаешь что, убирайся отсюда! Живее! И упаси тебя бог придумать что-нибудь оригинальное, потому что это только подчеркнёт все глубины твоей ничтожности!

Парень отступает, подняв *руки*, как будто перед ним грабитель.

– Ладно, ладно, ладно!

– Чёрт поberi, ты даже голодному монстру надоел!

К слову, о монстрах – малыш Горголла близко к сердцу принял мой совет о новой жертве. Помните тот ипподром? Тот самый, который, как я уверял, не имеет отношения к истории? Оказывается, ещё как имеет.

– Горголла голодный!

Если голод стучится в дверь, кто я такой, чтобы делать вид, будто меня нет дома? Да, может быть, это не голод, а просто страховой агент, но откуда мне знать? Нет, леди и джентльмены, говорю вам: когда за дверью голод, я не сижу на диване – я радостно бегу на стук.

Кхе-кхе. Йонкерскому ипподрому уже сто лет, и он расположен на территории легендарного Мирового Казино. Довольно комиксовое название – и оно отлично подходит для места,

похожего на свалившийся с неба кусок Лас-Вегаса. Огни всех цветов радуги, азартные игры на любой вкус, шикарные рестораны и стендап-вечеринки в Манхэттенском духе прилагаются. Но внимание нашей горгульи привлекает вычурный навес над входом.

Разноцветные огни составляют приятный контраст с Его Серейшеством (жаль, вы этого не видите!), но я прямо слышу, как он причмокивает губами, осознав, что скрывается за этим навесом. Монстр несётся к беговым дорожкам – быстрее, чем улепётывает бойфренд гувернантки, когда слышит, как тормозит машина хозяев дома.

Что же его так привлекло? Видимо, скачки в упряжке – они уже начались.

Скачки в упряжке?

Это что-то из «Пятидесяти оттенков серого»?

Вы можете на минутку включить фильтр пошлости? Скачки в *упряжке* – это как гонки на колесницах в «Бен Гуре», только возница сидит, а не стоит. Для Горголллы это обед на колёсиках.

Не обращая внимания на мелочи вроде входных билетов и охранников, я устремляюсь к дорожкам. И успеваю как раз к тому моменту, когда восемь горячих скакунов выходят на финишную прямую.

Ох, что это за скачки! Впереди несутся две лошади, то и дело обгоняя друг друга. Вот Быстроногий Бекон вырывается вперед! А теперь его обходит Папин Портфель! Погодите-ка – фаворит скачек Сладкая Кукурузка набирает скорость! Она идёт ноздря в ноздю с Папиным Портфелем! До финиша считанные секунды, ребята. Или нет?..

Вы только представьте себе: Живая Горгулья несётся вслед за лошадьми, раскинув крылья и поднимая клубы пыли. Жокее и лошади как по команде оборачиваются (не врут, не врут про ментальную связь между конём и возницей!) и видят пятьдесят оттенков серого, которые уже почти наступают им на копыта!

Лошади пересекают финишную *прямую* и мчатся дальше. Скачки продолжаются!

А толпа просто обезумела! Не в том смысле, в каком вы подумали. Я полагал, что они, ну, знаете, разбегутся при виде монстра. Ничего подобного. То ли они с ним заодно, то ли так привыкли к спецэффектам, что думают, будто это часть шоу.

Они хлопают в ладоши и подбадривают своих фаворитов.

Разве их можно винить? Вы только посмотрите, как несутся эти коняшки! Мчатся сломя голову, словно пытаются убежать от смерти, – и это действительно так! Даже последний аутсайдер, Булка с Маслом, выкладывается на всю катушку Мистер Пятьдесят оттенков взял хороший старт, но теперь вынужден махать крыльями, как ошалевший, чтобы не отставать!

Хотя нет. Похоже, Гарги просто берег силы! Он настигает Булку Та поддаёт ходу Проходит поворот. Кажется, что Булка смогла оторваться, но...

Ох!

Слишком медленно.

Пятьдесят оттенков хватает её, запихивает в рот и съедает.

Масло падает вниз.

Признайтесь, вы ведь ждали чего-то подобного?

К счастью для жокея, Булки хватает больше чем на один зуб. Брошенная повозка разваливается на части, но паренёк резво вскакивает, как будто у него муравьи в штанах, и удирает со всех ног, прежде чем Пятьдесят оттенков закончит обед.

Я думал, что Горголллу в первую очередь интересовала демонстрация могущества, но, похоже, у всех этих монстров слабость к свежей плоти. Может, из-за мутации у них неустойчивый обмен веществ. Хотя стремление к мировому господству тоже не говорит об устойчивости.

Таким образом, если я не ошибаюсь в своей интерпретации происходящих событий, мы дошли до той стадии, когда совесть не просто позволяет мне прикончить эту статую – она практически этого требует.

Отлично, совесть, как скажешь!

Я распахиваю оцепеневших зрителей и пробираюсь ближе к дорожке, сжимая в руке баллончик. В общей суматохе довольно трудно прицелиться. Но после дюжины наклонов и приседаний мне это удаётся. Одно быстрое нажатие – и Гугл, этот неудачливый поисковик, превратится в большую мокрую лужу.

Слишком просто звучит, да? Ну само собой. Всегда есть какое-то «но» или «вдруг». Сейчас, например, только я собираюсь погеройствовать, как некий любитель скачек подходит и хватает меня своей огромной ручищей. Когда я говорю «огромная», это не значит «мускулистая» – это значит «жирная». Передо мной стоит настоящая Годзилла. Понятия не имею, как ему удалось впихнуть эту гору жира в рубашку и тем более в куртку. И, чтобы ещё сильнее подчеркнуть сходство со свиньёй, на голове и на лице у него топорщится колючая щетина.

Не подумайте, будто я нетолерантен к толстякам. Этот парень носит свой жир с достоинством. Может даже, он ему зачем-то нужен. Но этот выходец с острова доктора Моро, благоухающий гелем для душа, хватает меня за *руку* и спрашивает:

– Ты что делаешь?

Что я делаю? Я сделал в своей жизни множество вещей, которые и вправду нуждались в объяснении, но попытка спасти горстку людей от разъяренного исполина в эту категорию точно не входит. Я настолько ошеломлён, что вместо остроумной отмазки указываю на горгулью, словно в этом есть необходимость, и выдаю всю правду.

– Я хочу остановить этого монстра и спасти лошадей.

Годзилла качает головой.

– Готов спорить, что Папин Портфель, на которого я ставил, пройдёт ещё три круга, прежде чем эта тварь его настигнет. Пусть они финишируют!

Какая-то злющая очкастая жердь с модной укладкой, услышав нас разговор, трясёт тощим кулаком:

– Да! Пусть финишируют!

Вскоре я уже окружён толпой, в которой кажусь себе самым нормальным – это я-то! Не знаю, кто передо мной – профессиональные букмекеры, подсевшие на скачки игроманы или просто туристы, которые любят поорать. Ко мне со всех сторон тянутся руки, как в «Ночи живых дельцов». И все вокруг сердито кричат:

– Пусть финишируют! Пусть финишируют!

Это же глюки, правда? Как в тот раз, с баскетболом и Софи?

Нет.

Не думаю.

Если я оказался оплотом здравого смысла – дело труба.

– Слушайте, я понимаю, сопутствующий урон и всё такое, – но бог с ними, с бедными лошадами, жокеев вам тоже не жалко?

Они замолкают, уставившись перед собой. Может быть, я достучался до них, пробил брешь в их душевной коросте, дал им вербальную затрещину. Вот только смотрят они не на меня, а на дорожку. Они притихли и наблюдают, как очередная лошадь превращается в конину. Надеюсь, Сладкая Кукурузка оправдала своё имя.

Неудачники оплакивают свои деньги. Все остальные, включая Годзиллу и Очкастую Злюку, продолжают подбадривать криками пока ещё живых лошадей.

Вы уверены, что это не глюки?

Мы знаем не больше тебя.

Что ж, время запачкать *руки*. Другими словами, я открываю стрельбу. (Нет, не по кому-то конкретному, но громкие выстрелы всегда помогают лучше донести мысль.)

– Всем очистить генофонд!

Почти все бегут врассыпную – хорошие, годные приматы, с инстинктом самосохранения у них всё в порядке. Но к Годзилле это не относится. Он по-прежнему следит за скачками. Вот чёрт! У этого парня явно не все дома.

Кстати, откуда вообще взялось такое выражение? Может, у этого жирдяя дома сидит целое семейство – жена, дети и, чем чёрт не шутит, щенки, и все ждут, когда он притащит домой со скачек охапку денег.

Так или иначе, Годзилла – глаза выпучены, пухлые кулаки сжимают билеты – не двигается с места. Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт – но я всё-таки решаю взгромоздиться на Годзиллу и, добравшись до вершины, даю ему пинка. Это наконец приводит его в чувство.

– Беги-беги! – кричу я ему вслед. – Это полезно!

Я перепрыгиваю через ограждение и приземляюсь на центральную дорожку. Папин Портфель проносится мимо, и теперь меня отделяют от Горбатого Горлопана только клубы пыли. Он приближается, раскинув крылья, едва не касаясь руками земли.

– Когда земляне узрят мою мощь, я легко их порабошу!

Живая Горгуля как она есть – умом и сообразительностью не отличается.

– Слушай, Гуля, у тебя изо рта торчит кусок коня, но я не об этом – чего ты так привязался к этому рабству? С экономической точки зрения рыночная модель с развитым средним классом намного выгоднее и порождает куда больше потребителей.

Ай, он всё равно не слушает. Он заметил, как все те люди, которые только что на него паялились, теперь ломанулись к выходу.

Монстр делает крутой вираж и устремляется за ними.

– Люди! Узрите мою мощь!

В его голосе я слышу грусть.

Оценив иронию момента, я кричу и улюлюкаю.

– Бегите, болваны, бегите!

И гонка начинается! Я на секунду останавливаюсь, чтобы сделать ставки, и спешу к месту событий. Вы только посмотрите, как они бегут! Мчатся во весь опор, словно от этого зависит их жизнь! Даже Годзилла выкладывается на полную! А вот и Очкастая Злюка – она несётся, сметая всех на своём пути, обрекая их на верную гибель, чтобы только выторговать ещё несколько драгоценных секунд своей никчёмной жизни.

Годзилла пытается вырваться вперёд, но Очкастая Злюка сшибает его и перепрыгивает, не моргнув глазом! Решив, что перед ним та самая желанная цель, Пятьдесят оттенков прибавляет ходу. Но, божечки мои, она наддаёт ещё сильнее! Очкастая Злюка мчится впереди всех. Она уже в двух шагах от своего внедорожника! Она выхватывает брелок с ключами! Кажется, будто она смогла оторваться, но...

Ох!

Пятьдесят Оттенков почти успевает схватить её, но она ныряет под внедорожник! Какой поворот! И это ещё не конец. Монстр хватает злосчастную машину и поднимает в воздух. Очкастая Злюка пытается уползти, но отступать некуда!

Так-так-так. Я не могу этого допустить, да? А может, всё-таки могу? Ну пожа-а-алуйста!

Нет.

Не можешь.

Ой, ну ладно, ладно. Вы в курсе, что всё больше напоминаете Престон?

Я подбегаю ко всей этой свалке и взбираюсь на светофор. Один изящный прыжок – и я уже на широкой спине Леди Гарги. Я хватаюсь за его каменный загривок и всаживаю катану в тугую разбухшую плоть.

– Узрел мою мощь, Гарги?

Уязвлённый (во всех смыслах), он ревёт и пытается меня скинуть. Я скачу на нём, словно на механическом быке – на огромном сером механическом быке. Ну разве я не красавчик, а? Я вскидываю руку и кричу:

– Их-ха!

Никогда не стоит недооценивать того, на ком скачешь верхом. Сразу после моего крика монстр наклоняет голову, и я устремляюсь вниз, словно вода изо рта у горгульи. Я приземляюсь на новенькую «Тойоту Приус». К счастью для меня, эти гибридные авто довольно мягкие. Машина с хрустом принимает на себя большую часть удара.

Живая Горгуша в ярости. Настолько, что временно меняет приоритеты. Теперь основная задача монстра – не столько продемонстрировать свою мощь, сколько убить меня. Он устремляется ко мне, но у меня в руке баллончик, и я, вне всякого сомнения, нахожусь достаточно близко, чтобы его применить. Я держу палец на распылителе и готов в любую секунду завершить эти скачки. Но (всегда есть какое-то «но») Гарги это не нравится. Почуввав опасность, он расправляет огромные крылья и взмахивает ими.

Вууух!

Мои аэродинамические свойства оставляют желать лучшего, так что я слетаю с машины и падаю на землю. То же можно сказать и об аэродинамических свойствах баллончика – но он намного легче и поэтому взмывает в воздух, словно обрывок бумаги, подхваченный смерчем. И как вы думаете, куда же летит эта смертельно опасная баночка?

Помните водохранилище, о котором я упоминал? То самое, которое поставляет миллионам людей чистую воду? Я ещё божился, что оно не имеет никакого отношения к событиям этой главы, равно как и лошади с ипподрома.

Да, баллончик летит именно туда.

Похоже, Чехов был прав, хоть он и умер.

Глава 6

ЦАРИЦА ГОРГО так и горит желанием стереть меня в порошок, но огромные летающие монстры довольно неповоротливы, поэтому у меня есть в запасе несколько секунд. Я вскакиваю на ноги (слово «встаю» здесь будет неуместно) и перепрыгиваю с машины на машину, как заправский паркурщик.

Я устремляюсь туда, где сверкает гладь водохранилища, и вижу в воздухе баллончик – он летит, блестя на солнце. Я слежу за ним взглядом, пока он не скрывается за какими-то дурацкими соснами.

То ли он запутался в ветках (и это, пожалуй, лучший вариант), то ли приземлился на дорогу (тоже неплохо), то ли упал в водохранилище – а вот это уже никуда не годится. Ну, конечно, если вам почему-то дороги люди.

Как оптимист, я сперва бегу к соснам. Густые ветки застыт свет. Я ползаю на коленках, словно близорукий, обронивший линзу, и тут Гоголь-моголь решает проблему со светом – он пролетает сквозь деревья, по пути выдирая их с корнем. Теперь я вижу: среди спутанных корней и комков грязи блестит целая куча всякого добра.

– Горголла устроит тебе децимацию!

Не время для споров об уместном употреблении слов. Я перебираю сокровища. Пивная банка. Пивная банка. Банка из-под газировки. Обёртка от жвачки. Баллончик с нанокатализатором. Пивная банка. Пивная банка. Пивная бутылка. О, да тут был эстет! Туринская плащаница? Что она здесь делает? Пивная банка. Этикетка от пивной бутылки. Стойте! Погодите! Что там было пятым в списке?

Меня накрывает тенью Горголла. Я хватаю блестящий металлический цилиндр, перекачиваюсь на спину, прицеливаюсь в Его Камнейшество, надавливаю на распылитель и...

...чуть не остаюсь без пальца.

Проклятье. Это была пивная банка.

– Узри мою мощь!

Да где эта штука, чёрт возьми?!.. Я оборачиваюсь. О, вот же он! Есть. Но помните совет про то, что надо подставлять другую щёку? Не всегда работает. Когда я возвращаюсь в прежнее положение, чтобы наконец пшикнуть аэрозолем, мне отвечает пощёчину огромная серая лапища.

Тумаки и затрешины – часть моей работы, но это был действительно смачный удар! Ещё не успев ощутить боль, я уже взлетаю в воздух. Я вижу мигающие огоньки – ну, знаете, такое бывает, если закрыть глаза и смотреть изнутри на веки. У меня они ярко-вишнёвые. Горголла разглагольствует о том, что захватит нашу жалкую расу, как только чуть-чуть перекусит, но его голос звучит приглушённо, как будто издали, а в ушах у меня свистит ветер.

Когда зрение наконец возвращается, я вижу милые кирпичные домики – возле одного из них мне сейчас предстоит приземлиться. Славные хатки. В паре дворов даже вырыты бассейны. Правда, не в том, куда я падаю. В этом есть только теплица.

БАМС!

Была теплица, точнее говоря. Осколки стекла и глиняных горшков почти не доставляют мне беспокойства, но вот боль от удара, наконец, меня настигает.

Ох ты ж блин, как неприятно!

Настигает меня не только боль. Торги срезает дорогу через дом. Всё что после этого остаётся от дома, – дымящаяся куча кирпичей, извёстки, обломков дерева и потрескивающей электроники. Хорошо, что внутри никого не было.

Я готов к встрече. Пока монстр протирает глаза, в которые набились крошки дома, я подбегаю ему с клинками наготове. И всаживаю обоих моих красавчиков в его каменное брюхо – так глубоко, что они едва не уходят туда вместе с руками.

В награду за труды я получаю удивлённый возглас «Ай!».

Я хочу ещё раз ударить его, уже сильнее, но сначала надо вытащить катаны. Пока я, *упираясь* ему в пузо, тяну за рукояти, он снова пытается меня стукнуть. Однако я заранее это замечаю и принимаю такое положение, чтобы его мощный удар (бабах!) отправил меня прямо туда, откуда я прилетел: к поваленным деревьям, где приземлился нанокатализатор (уииии!).

Нет, правда. Я всё так и задумал.

Ну конечно же.

Как скажешь.

Хитрожопые подлизы! Конечно, посадка была не шибко мягкой, но разве я добрался бы до нанокатализатора на своих двоих, заставив Живого Громилу недоумевать, куда это я подевался? А, а?

Иногда мне хочется вытащить вас обоих наружу и отшлёпать.

Поверь, тут, внутри, тоже хватает самобичевания.

И скачек в уздечке!

Я бегу за баллончиком. Горголла уже протёр глаза, решил, что на сегодня налетался, и сокращает расстояние между нами одним прыжком, словно Халк. Надо отдать должное его меткости. Одна нога приземляется слева от меня, другая – справа. Даже не хочу говорить, что я вижу, когда поднимаю глаза.

Ладно, скажу. Я вижу камни. Сплошные камни.

Монстр хлопает крыльями, и поднявшийся ветер снова сносит чёртов баллончик в сторону водохранилища! Деревьев, которые могли бы стать ему преградой, больше нет, и он летит себе и летит.

Иногда просто невозможно сохранить воду чистой, как ни старайся.

К счастью, водохранилище наискось пересекает пешеходная дорожка. Я знаю, знаю, это уже слишком, но она правда там есть, клянусь! Можете по гугл-картам проверить. Баллончик отскакивает от ограждения и катится по асфальту.

Никогда не поворачивайтесь спиной к Живой Горгулье. С победоносным криком «Узри мою мощь!» Горголла хватается меня и взлетает в небо. Вот наконец мы и остались вдвоём. Над нами только звёзды, под нами – огни Йонкерса. Я смотрю вниз, пытаюсь разглядеть, как там баллончик, но мой спутник поднимается всё выше и выше. Становится холодно. Кажется, Горголла держит путь на Луну.

Он же не может туда улететь, правда?

Почему нет? Картман и его друзья однажды построили лестницу в небо.

Надо немедленно добраться до аэрозоля. Да, я понимаю, как это звучит! Я яростно колочу монстра – ух, просто зверски! Камни так и летят. Я отбиваю на толстой шкуре бойкий ритм – любой чечёточник обзавидуется.

Горголла кривится и приподнимает меня, так что мы оказываемся лицом к лицу.

– Я тебя уничтожу!

Я поднимаю большой палец.

– Вот это другое дело! Не так уж трудно подобрать нужный глагол, если постараться, да? Но, э... как именно ты собираешься меня уничтожить? Раздавишь? Ничего не выйдет. Изобьёшь? Ты *уже* пытался.

Он хмурится. Я буквально слышу, как его каменный лоб собирается в складки. Похоже, Горголла озадачен.

– Съешь меня? – спрашиваю я, совсем осмелев.

Ой-ой. Болтливый наёмник никогда не умел вовремя заткнуться. Горголла выпучивает глаза и всасывает мою руку, словно макаронину.

– Эй, я же пошутил!

Я выдёргиваю руку, но недостаточно быстро. Каменные зубы смыкаются у меня на запястье. Рука высвобождается, но хруст, который она при этой издаёт, мне совсем не нравится. И верно: я тарашусь на кровавый огрызок.

– Ты мне руку откусил! Да что с тобой такое? Выплюнь! Выплюнь немедленно!

Увы, я не могу шлёпнуть монстра свёрнутой газеткой, но я смотрю на него как можно строже.

Он сглатывает и облизывает губы.

– Ты съел её? Съел мою руку? Ох, ты об этом пожалеешь!

Двумя катанами теперь не помашешь, но одной – запросто. Быстрее, чем сверчок Джими успел бы загадать желание, я вонзаю её в каменное основание правого крыла.

– А это тебе по зубам?

Следующий за этим вопль меня вполне удовлетворяет. Особенно я радуюсь, когда монстр, корчась от боли, отпускает меня. Я всем своим весом повисаю на катане, и лезвие разрезает крыло до конца.

Уцепившись ногами за плечо монстра, я наблюдаю, как крыло падает всё ниже и ниже, вращаясь, словно кленовое семечко, только очень большое и серое.

Горгуля хватается за рану.

– Глупый земной мужик! Мы же оба упадём!

В его словах есть смысл, но я предпочёл бы менее сексистское определение «землянин». Правда, стоит отметить, что мы довольно быстро приближаемся к моей родной старушке-планете.

– Ладно, я признаю, что не учёл всех деталей, но слушай, чувак, ты сожрал мою чёртову руку!

Звёзды кружатся над нами, сохраняя вселенское спокойствие. Огромный горгуль, менее спокойный, но тоже кружащийся, пытается скинуть меня со спины. Я начинаю ценить то место между лопаток, которое никогда не удаётся толком почесать. Рукой приходится держаться, но ноги у меня свободны – пинайся сколько влезет. Я возвращаю катану в ножны, крепко сжимаю его острое ухо и даю волю своим крепким пяточкам: бам, бам, бам!

Горголле не больно, но мои пинки ужасно его бесят. Настолько, что он выкрикивает:

– Хватит! Хватит!

Бам, бам, бам!

Он пытается отплатить мне той же монетой, но Живой Горилле не хватает гибкости, чтобы меня достать. Я пытаюсь оказаться сверху, чтобы приземлиться на него; он пытается оказаться сверху, чтобы приземлиться на меня. И вот мы летим и летим, постепенно набирая равновесную скорость, о которой я уже рассказывал (читайте внимательнее, в конце будет тест!), сплетаясь в безумном, бесшабашном танце. Но, как сказал Томми Смотерс (или Джон Леннон, или Аллен Сондерс), жизнь – это то, что с нами происходит, пока мы строим планы.

Отрезанное крыло отрастает обратно. Оно похоже на распускающийся цветок или на зёрнышко попкорна в микроволновке, снятые в режиме слоу-мо. Когда процесс завершается, горгуля расправляет оба крыла и делает головокружительную мёртвую петлю, замедляя наше падение.

Я держусь за него тремя целыми конечностями – и снова чувствую себя подавленным. Моя рука отрастёт только через несколько часов. Почему он регенерирует быстрее? Почему? Почему?

О, милый.

Всегда кто-то будет хуже тебя, а кто-то лучше.

Нет! Я тоже особенный! Я тоже! Софи, посмотри на меня! Посмотри! Я заведу собаку, клянусь!

Чтобы та галлюцинация про бейсбол не вернулась, я сосредотачиваюсь на своей культажке. Я рычу и напрягаю все силы.

– Ну же, рука! Давай! Ты сможешь! Ух-х-х! Расти, чтоб тебя, расти!

Я добиваюсь только того, что из порванной артерии начинает хлестать кровь. Она бьёт мне прямо в нос, добавляя к физическому ущербу ещё и моральный. Монстр, эдакий злодей, смеётся надо мной.

– Если это всё, на что ты способен, завоевать Землю будет очень просто!

Я прячу окровавленный огрызок за спину.

– Хватит на меня пялиться! Я тебе ещё покажу!

На дорожке под нами катается туда-сюда смерть в маленьком баллончике. Медленно, но верно, как свинья из Angry Birds, она подкатывается всё ближе к воде. Ближе, ещё ближе, ещё чуть-чуть и...

Глава 7

ВАС ТОЖЕ бесят книги с короткими главами вроде этой, да?

Глава 8

СЕРЫЙ МОНСТР – огромный.

Баллончик с нанокатализатором – маленький.

Но кому какое дело до размера палочки, если она волшебная?

Его Камнейшество заполняет собой моё поле зрения. Прямо сейчас моя рука, моя любимая рука (прости, левая, но это правда) растворяется в желудочном соке Горголы – или в других веществах, которые выделяет его нутро. Я в самом центре королевской битвы – бум, бах, бдыщ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.